ДѢЯТЕЛИ ВРЕМЕНИ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ ПОДОЛІИ СЪ РОССІЕЙ.

Графъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ,

первый Генералъ-Губернаторъ возсоединеннаго съ Россіей Юго-западнаго края (1793 г.).

Составилъ преподаватель семинаріи

І. Ѳедоровъ.

КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ПОДОЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

1893.

ДѢЯТЕЛИ ВРЕМЕНИ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ ПОДОЛІИ СЪ РОССІЕЙ.

Графъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ, первый Генералъ-Губернаторъ возсоединеннаго съ Россіей Юго-Западнаго края (1793 г.)

Историко-біографическій очеркъ.

Въ настоящемъ 1893 году, 27 марта, исполняется столѣтіе со времени объявленія М. Н. Кречетниковымъ, по порученію Императрицы Екатерины, манифеста о возвращеніи отъ Рѣчи Посполитой къ Россіи земель нынѣшней Подольской, Волынской и Минской губерній. Наступаетъ „великъ-день" юбилейнаго торжества и воспоминанія объ освобожденіи жителей тѣхъ областей отъ физическихъ и нравственныхъ страданій, съ необыкновеннымъ мужествомъ и стойкостію перенесенныхъ ими за православіе и русскую народность,—воспоминанія о возвращеніи древней Малой Руси въ родную семью для совмѣстной жизни съ Великою Русью, чтобы, слившись въ едино съ нею, быть равноправнымъ членомъ одной недѣлимой Россійской имперіи. Назадъ тому сто лѣтъ произошла встрѣча родныхъ, которымъ суждено было на первыхъ же порахъ своей исторической жизни разстаться и надолго: разлучило ихъ нашествіе татаръ XIII в.

Въ XIV-мъ столѣтіи на западѣ слагалось государство Литовское, а на востокѣ—Московское. Могущественный князь Ольгердъ въ 1362 г. освободилъ Малую Русь отъ татаръ и присоединилъ къ Литвѣ. Завоевательныя стремленія Поляковъ столкнулись съ притязаніями Литвы на тѣже русскія области, именно Подолію и Волынь. Послѣ продолжительныхъ и упорныхъ войнъ Литва получаетъ Волынь, а Польша—Подолію. Затѣмъ и другія русскія земли, присоединенныя къ Литвѣ, переходятъ, послѣ соединенія Литвы съ Польшею, во владѣніе послѣдней.

Москва въ XV-мъ столѣтіи только-что освободилась отъ татарскаго ига и оканчивала трудное дѣло объединенія государства; ей еще пред-

стояло впереди не мало важныхъ задачъ. Бѣдное экономически, открытое со всѣхъ сторонъ нападенію враговъ, отрѣзанное отъ морей, кромѣ Бѣлаго государство Московское должно было напречь всѣ свои силы для того, чтобы обезопасить свои предѣлы, открыть себѣ путь къ дальнѣйшему развитію. Тяжело было это напряженіе нашимъ предкамъ, но они имѣли настолько физической и нравственной силы, чтобы съ честью пережить даже смутное время. Было время, что польское знамя водружено было въ Москвѣ, и восточной Руси угрожала опасность подчиниться пропагандѣ польской цивилизаціи. Смутились бояре, но не потерпѣлъ этого народъ. Очистивъ Кремль отъ поляковъ, побѣдители собрали представителей земли и избрали царемъ своего природнаго русскаго боярина. Этимъ фактомъ доказано, что Русь восточная глубоко сознавала необходимость единства и предпочитала свою религіозную и общественую самостоятельность западно-европейскимъ стихіямъ католической и шляхетской Польши.

Но на сторонѣ Польскаго государства оставалось еще одно огромное преимущество, одно сильное орудіе преобладанія—образованность и наука, принятыя имъ отъ западнаго міра вмѣстѣ съ его религіозными и обществеными началами. Уже въ XIV вѣкѣ Польша представляла общество вполнѣ развитое. Дѣятельность ея должна была обратиться на востокъ, на Русскую землю. Польскій народъ, всецѣло отдавшійся западно-европейской жизни, воплотившій идеи католицизма, рыцарства, латинской образованности, считалъ своимъ призваніемъ нести эту цивилизацію къ народу, бѣдному образованіемъ. Просвѣтительной миссіи поляковъ въ Московскомъ государствѣ не суждено было осуществиться. На русскомъ тронѣ сталъ Петръ Великій, который не дожидался, чтобы пришли къ нему и научили, чему хотятъ, а лично отправился въ Европу, выбралъ тамъ, что необходимо, и привесъ своему народу. Съ плотничьимъ топоромъ въ одной рукѣ и мечемъ въ другой Петръ пробился къ берегамъ Балтійскаго моря и сблизилъ Россію съ западомъ, и первый изъ русскихъ царей, возъимѣлъ сильное вліяніе на Польшу. Но усвоеніе началъ западной цивилизаціи, привитой русскому народу, не только не препятствовало самобытному развитію въ немъ славянскихъ началъ, но напротивъ—оно укрѣпило въ немъ способы и средства къ самобыт-

ному развитію. И на востокѣ Европы выросла могучая славянская сила, способная подать помощь югозападному русскому народу, сохранившему преданія своихъ предковъ. Послѣ перваго Петра явилась вторая Екатерина—и насталъ часъ свободы для Малой Руси.

Пока Русская земля мужала и крѣпла въ борьбѣ со врагами, на западѣ Польша успѣла отпраздновать двѣ свои побѣды въ земляхъ литовско-русскихъ. Люблинская унія, повидимому, создавала твердую почву единства государственнаго, а Брестская—единства церковнаго. Современники думали, что Русь западная навсегда будетъ отрѣзана отъ восточной; что ея церковь подчинится папѣ, что пропаганда ополяченія проникнетъ во всѣ слои русскаго и литовскаго общества. Западно-русскія области опутываются сѣтью іезуитовъ,—и эти слуги папской куріи нигдѣ у славянъ въ Европѣ не имѣли такого успѣха, какъ у поляковъ въ западной Руси. Въ Польшѣ они управляли политикою буйныхъ сеймовъ и совѣстью короля. Услуги римско-католическихъ монаховъ, взявшихъ въ свои руки образованіе высшихъ классовъ, щедро вознаграждались польскимъ и ополяченнымъ рыцарствомъ. На обширномъ пространствѣ, отъ Балтійскаго моря до Двины и Днѣпра, явились іезуитскіе монастыри. Въ нихъ просвѣщалось юношество русскихъ вельможъ и дворянъ, преобразившихся въ рыцарство—шляхту со всѣми внѣшними аттрибутами нѣмецкихъ феодаловъ. Люблинская унія дала польскому дворянству законное основаніе селиться на Литовско-русской землѣ, въ средѣ русскихъ. Къ концу XVI столѣтія, рядомъ съ родами русскаго происхожденія, встрѣчается на Литвѣ и Руси очень много польскихъ родовъ. Хотя польское населеніе не могло вытѣснить мѣстнаго, за то въ состояніи было скоро измѣнить его на свой ладъ. Поляки, вслѣдствіе близости своей страны къ просвѣщенному западу и большей безопасности со стороны кочевыхъ непріятелей, могли подвинуться по лѣстницѣ образованія на высшую степень, чѣмъ ихъ восточные сосѣди. Они усвоили себѣ западную цивилизацію и, въ силу неизмѣнныхъ, вездѣ одинаково дѣйствующихъ законовъ, могли влiять, и дѣйствительно вліяли, на образованіе литовско-русскаго общества; подражатели относительно европейскаго запада, они стали образцомъ для западно-руссовъ, которые во имя образованія перенимали у нихъ привычки, обычаи, одежду, языкъ—и стали похожи

по стремленіямъ и понятіямъ на своихъ учителей. Это обстоятельство много содѣйствовало распространенію церковной уніи среди интеллегентнаго литовско-русскаго общества: государственная унія такимъ образомъ подготовила почву для церковной, пока все сильное и болѣе просвѣщенное стало на сторону уніи и даже прямо принимало католицизмъ: княжескіе роды и знать начали одинъ за другими измѣнять религіи своихъ предковъ.

Увлекшись приманкою польской цивилизаціи, высшій классъ литовско-русскаго народа поколебался. Но не померкъ свѣтъ отческой вѣры и не поколебалось сознаніе русской національности среди духовенства, мѣщанъ и крестьянъ. Противъ нихъ поднялась вся Польша, начались гоненія православныхъ, чтобы силою загнать въ уніатство. Тогда на защиту вѣры и народности выступили казаки. Богданъ Хмѣльницкій, знаменитый гетманъ казацкій, потрясъ до основанія Польское государство и проложилъ путь къ возсоединенію южной Руси съ сѣверной. Послѣ того, какъ на радѣ Переяславской единогласно сказано было: „волимъ за Бѣлаго царя“, и Малороссія присоединилася къ Россіи,— народъ юго-западнаго края озарила надежда: вопли и жалобы его стали раздаваться все чаще и сильнѣе, и Русское правительство, сознавая въ себѣ силу, внимательнѣе прислушивалось къ этому стону и подавало изнемогавшимъ руку помощи...

Наступилъ, наконецъ, роковой для Польши XVIII вѣкъ, въ исходѣ котораго она умерла своею смертію. Польская республика, или Рѣчь Посполитая, носила въ себѣ самой зародыши погибели, такъ какъ высшими. основными началами ея были себялюбіе и произволъ, которые признавались за свободу. Еще въ XVI ст. эти начала положены были въ основу общественныхъ отношеній: дворянство—шляхта того времени сложилось въ кастическую форму быта, стремилось стать выше короля и достигло этого,—поработило крестьянъ окончательно и составило высшую народную власть. Посредникомъ между шляхтою и крестьянами являлись евреи. Нетерпимость и недальновидность, страстная горячность и раздоры составляли отличительную черту всѣхъ дѣйствій поляковъ въ XVIII ст. „Эта нація, говорила Екатерина II-я, дошла до такого разъединенія, что нельзя было найтидвухъ человѣкъ, которые-бы въ чемъ нибудь согласились между

собою... Они даже не знаютъ, что я не владѣю ни единой пядью Польской земли, а сами предлагаютъ мнѣ быть ихъ королевой. Предъ тѣмъ они просили у меня внука, у Прусскаго короля сына, у Вѣнскаго двора эрцгерцога, и все это въ одно время, у Испанскаго короля инфанта, у дома Бурбоновъ одного изъ принцевъ, а у себя ставили законъ, чтобы королю быть изъ рода Пястовъ". Извѣстно что злоба и страсти плохіе совѣтники; они-то увлекли поляковъ гораздо далѣе всякихъ границъ: въ последней половинѣ XVIII-го ст. угнетеніе православныхъ крестьянъ производилось съ самымъ ярымъ фанатизмомъ. Въ предсмертной агоніи своей Польша не хотѣла допустить существованія въ ея предѣлахъ еретиковъ, къ которымъ прежде всего относила православныхъ. Читая записки современниковъ (1) о состояніи юго западнаго края въ XVIII ст. и документы (2) этого времени, приходится удивляться не столько жестокостямъ и фанатизму поляковъ, сколько твердости и терпѣнію народа, живучести въ немъ преданій. Событія эти еще разъ подтверждаютъ ту истину, что какъ у отдѣльнаго человѣка, такъ и у цѣлаго народа впечатлѣнія дѣтства и ранней молодости не утрачиваются во всю жизнь, что преданія переживаютъ поколѣнія и не истребляются ни огнемъ, ни мечемъ. Не смотря на трехвѣковое господство польской пропаганды надъ Русью, народъ въ этомъ краѣ сохранилъ всѣ черты своего русскаго происхожденія. И складъ народной рѣчи, и памятники народной рѣчи, и памятники народной поэзіи—пословицы, поговорки, пѣсни, въ которыхъ выражается затаенная грусть и глухой ропотъ, и пляски, и хороводы— во всемъ отражается, какъ въ зеркалѣ, вся грустная прошедшая исторія страны, выносившей напоръ латино-польской цивилизаціи. Скользнувъ по поверхности народа, эта цивилизація не тронула существа, не могла осилить ни языка, ни нравовъ, ни обычаевъ русскихъ. Собирателемъ поговорокъ о русскихъ городахъ и ихъ жителяхъ А. Н. Сергѣевымъ записано,

---

(1) „Изображеніе насилія, жестоко обращеннаго на слабую невинность" записки о событіяхъ на Волыни и Подоліи въ 1789 г. Ѳеодосія Брадовича, архипресвитера греческаго уніатскаго капитула Луцкаго. Чт. въ Импер. общ. Ист. и Др. Р. 1868 г. т. 3., и др.

(2) Напр.: „Матеріалы для исторіи православной церкви въ быв Брацлавскомъ воеводствѣ", Орловскаго. Подол. Епарх. Вѣд. 1891 г.

что жители Подольской губерніи, помня времена князей Романа и Даніила, называютъ себя „твердою Русью“ (3). При такомъ глубокомъ сознаніи своего національнаго единства съ Россіей и послѣ продолжительнаго угнетенія и борьбы за вѣру православную, населеніе Подоліи съ великою радостію встрѣтило тотъ день, въ который былъ объявленъ манифестъ о возвращеніи его въ родную семью. Для жителей Подольской, Волынской и Минской губерній 27 марта 1793 года былъ великъ-день возрожденія: возстановлялось православіе, возвращалась гражданская свобода, поднималось общественное значеніе русской народности.

Проникаясь сознаніемъ важности юбилейнаго торжества, мы рѣшились въ мѣстномъ печатномъ органѣ возстановить образъ М. Н. Кречетникова, дѣятельность котораго, какъ одного изъ главныхъ сотрудниковъ по возсоединенію южно-русскихъ областей съ Россійскимъ государствомъ, вполнѣ заслуживаетъ нашего вниманія. Къ тому же 9 мая 1893 г. исполнится сто лѣтъ со дня смерти М. Н. Кречетникова. Полагаемъ, что возможно полныя біографическія свѣдѣнія объ этомъ сановникѣ, преданномъ слугѣ Екатерины II-ой, пользовавшемся ея довѣріемъ и полъ-вѣка служившемъ государству, не лишены интереса и могутъ служить выраженіемъ признательности благодарнаго потомства дѣятелямъ Русскаго государства.

Екатерина Великая призывала къ дѣятельности изъ сыновъ русской страны мужей, отличавшихся талантами, высокимъ дарованіемъ и преданностію престолу. Эти люди, достойные сподвижники Екатерины, при ея безсмертныхъ и славныхъ трудахъ, придавали живѣйшій блескъ ея царствованію и содѣйствовали превозношенію ея имперіи на высоту славы и величія. Въ ряду славныхъ исполнителей предначинаній мудрой Екатерины, подвизавшихся на военномъ и административномъ поприщѣ, довольно видное мѣсто занималъ графъ Кречетниковъ.

Фамилія Кречетниковыхъ принадлежитъ къ древнимъ дворянскимъ родамъ: многіе изъ Кречетниковыхъ, находясь на службѣ русскихъ государей, жалованы были ими почестями и помѣстьями уже въ XVI столѣтіи. Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ родился въ 1723 году, обучался

(3) „Древняя и Новая Россія“ 1879 года, № 1-й стр. 88.

съ успѣхомъ въ Сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ, который служилъ разсадникомъ русскихъ государственныхъ людей въ прошломъ столѣтіи; по окончаніи ученія, съ 1742 года онъ началъ службу въ рядахъ арміи и въ чинѣ маіора участвовалъ въ семилѣтней войнѣ.

Послѣ кампаніи 1762 года русскимъ войскамъ пришлось отдыхать не долго: чрезъ шесть лѣтъ началась война противъ польскихъ конфедератовъ и Турціи. Послѣ смерти Августа III-го, въ 1764 г. на польскій престолъ былъ избранъ Станиславъ Понятовскій. Въ Польшѣ тогда происходило крайнее религіозное возбужденіе: сеймы слѣдовали за сеймами и на нихъ шли бурныя, ожесточенныя пренія по вопросу о диссидентахъ, или несогласныхъ съ ученіемъ католической церкви. На сеймѣ 1764 года, всѣ диссиденты, въ томъ числѣ и православные, лишены были свободы вѣроисповѣданія съ воспрещеніемъ имъ доступа къ общественнымъ и гражданскимъ должностямъ. Иностранные дворы подали свой голосъ въ пользу диссидентовъ; но сеймъ 1766 г. отвергъ всѣ домагательства иностранныхъ дворовъ о правахъ обиженныхъ, и только на сеймѣ слѣдующаго года поляки, вынужденные рѣшительнымъ настояніемъ иностранныхъ государей, особливо Императрицы Екатерины, согласились возвратить диссидентамъ свободу вѣроисповѣданія и даровать общественныя и гражданскія права наравнѣ съ католиками. Но такая вынужденная уступка вызвала страшное волненіе въ Польшѣ: озлобившаяся шляхта возстала открыто противъ короля, какъ сторонника Россіи. Король призвалъ русскія войска. Шумно начатый сеймъ 1768 г., собранный для ратификаціи постановленія о диссидентахъ, былъ отложенъ до 24 февраля, и хотя на немъ утверждено было постановленіе предыдущаго сейма, но спокойствія отъ этого ни для кого не было. Раздраженная шляхта и католическое духовенство стали еще сильнѣе и злобнѣе мстить иновѣрцамъ; стонъ стоялъ по всей Украинѣ отъ невыносимыхъ страданій благочестиваго духовенства и народа. Повсюду въ Польшѣ начали собираться вооруженныя конфедераціи противъ придворной партіи и Россіи. Вождями важнѣйшей изъ конфедерацій, Барской, явились Адамъ Красинскій, католическій епископъ Каменецкій, и Пулавскій, незнатный дворянинъ, славившійся своею отвагой; 29 февраля 1768 года въ Барѣ, небольшомъ городкѣ, близъ Каменца, не далеко отъ Турецкой границы и вдали отъ русскихъ войскъ,

сосредоточенныхъ близъ Варшавы, они издали воззваніе къ полякамъ и подняли оружіе: объявили преданнаго Россіи короля лишеннымъ престола, призывая его, какъ измѣнника, къ суду отечества и стремились къ тому, чтобы выгнать русскія войска изъ Польши, возстановить во всей широтѣ вольность шляхетскую, разорить церкви православныя и истребить православныхъ. Пулавскій надѣялся на саблю, а Красинскій основывалъ замыслы на недружелюбныхъ отношеніяхъ Франціи, Австріи и Пруссіи къ Россіи. Эти державы, съ завистью смотрѣвшія на возраставшее могущество Россіи, рѣшили подкрѣпить возстаніе поляковъ и увлечь Россію въ войну съ Турціею. Управляемая дипломатіею Франціи и Австріи, Турція готова была воевать и искала только предлога, который скоро и представился.

Обстоятельства осложнились возстаніемъ православнаго крестьянства противъ католическихъ польскихъ пановъ. Это событіе, совершившееся въ 1768 году, стоитъ въ непосредственной связи съ цѣлымъ рядомъ такого же рода событій, происходившихъ въ предшествовавшее время. Борьба южно-русскаго народа съ Польшею, начавшаяся давно и рѣзко проявившаяся въ половинѣ XVII ст. при Богданѣ Хмѣльницкомъ, перешла и въ XVIII вѣкъ. Исконная непріязнь и недовѣріе южнорусскаго народа къ польскому шляхетству все болѣе и болѣе развивалась вслѣдствіе ненавистно-злобнаго отношенія пановъ-поляковъ къ православнымъ крестьянамъ и поруганія ихъ святыни—православія. То было великое движеніе во имя вѣры отеческой. Когда Барскіе конфедераты двинулись въ польскую Украину и стали неистовствовать, народъ невытерпѣлъ, призвалъ запорожцевъ и началось народное возстаніе. Русское правительство нашло нужнымъ подавить это возстаніе. А между тѣмъ запорожцы, преслѣдуя поляковъ, ворвались въ турецкія области и выжгли мѣстечко Балту. Султанъ объявилъ, что будетъмстить за нанесенное оскорбленіе войною съ Россіею. Императрица Екатерина II проникала въ замыслы сосѣдей; она объявила конфедератовъ Барскихъ возмутителями, и Станиславъ Понятовскій подтвердилъ слова ея. Королевско-польскія войска, соединясь съ русскими, начали укрощать конфедератовъ и крестьянъ. Въ подкрѣпленіе русскимъ войскамъ, находившимся въ Польшѣ, приказано было двинуться новымъ отрядамъ, порученнымъ

Н. Ив. Салтыкову, Нумерсу и Петру Никитичу Кречетникову. Въ отрядѣ послѣдняго находился и младшій братъ его Михаилъ Никитичъ, какъ видно изъ „журнала о движеніяхъ и дѣйствіяхъ военныхъ", который велъ Петръ Никитичъ со времени полученія имъ указа и выступленія изъ Рыльска въ Польшу, т. е. съ 11 февраля 1767 года. Какъ начальникъ корпуса генералъ-маіоръ Кречетниковъ, дѣйствуя противъ конфедератовъ и гайдамаковъ, оставилъ въ своемъ журналѣ много интересныхъ подробностей о томъ и другомъ. Записки эти оканчиваются въ половинѣ сентября 1768 года (4), именно въ то самое время, когда положено уже было начало первой войнѣ нашей съ турками. Судя по неудовольствію, выраженному въ письмахъ къ Петру Никитичу князя Репнина и графа З. Г. Чернышева, вице-президента военной коллегіи, на долговременную осаду засѣвшихъ въ Бердичевской монастырской крѣпости конфедератовъ, „отъ чего всѣ другія операціи оставлены, особенно совмѣстное дѣйствіе съ графомъ Апраксинымъ, находившимся у Каменца-Подольскаго, почти въ срединѣ квартиръ возмутителей", равно какъ и на „несоблюденіе въ корпусѣ довольно строгой военной дисциплины и принесеніе жителямъ нѣкоторыхъ насилій", должно думать, что и неудовольствіе Государыни было значительно, и Петръ Никитичъ, какъ ускорившій своими послѣдними дѣйствіями войну съ турками, былъ отозванъ передъ самымъ объявленіемъ разрыва. Братъ же его, Михаилъ Никитичъ принималъ участіе въ войнѣ съ турками. Главнокомандующимъ первой наступательной арміи противъ турокъ былъ князь А. М. Голицынъ, который поручилъ Михаилу Никитичу командованіе тремя полками. „Отмѣннымъ въ военномъ дѣлѣ искусствомъ, мужествомъ и расторопностію" Михаилъ Никитичъ создалъ себѣ извѣстность: пріобрѣлъ особенную благодарность и довѣріе главнокомандующаго и заслужилъ „монаршее благоволеніе". Вице-президентъ военной коллегіи, графъ З. Г. Чернышевъ отъ 9 сентября 1769 года отправилъ къ Кречетникову письмо Императрицы, въ которомъ Ея Величество „всемилостивѣйше

---

(4) Записки или журналъ генералъ-маіора Петра Никитича Кречетникова о движеніи и дѣйствіяхъ военныхъ въ Польшѣ въ 1767—1768 г. въ Чтен. въ Имп. Об. Ист. и Древн. Рос. 1863 г. т. 3.

изъяснить изволила монаршее свое благоволеніе за оказанное предводительство, храбрость и мужество при послѣдней на непріятельскій ретранжаментъ въ ночи на 23 число минувшаго мѣсяца (августа) произведенной атакѣ" (5). Въ другомъ письмѣ тотъ же графъ Чернышевъ поздравляетъ Михаила Никитича „съ пожалованіемъ въ бригадиры, какъ съ отмѣннымъ опытомъ монаршаго благоволенія и отдаваемой справедливости мужеству, храбрости и отмѣнному въ военномъ дѣлѣ искусству, оказанному въ предводительствѣ войскомъ при атакѣ съ 5 на 6 сентября (6). Вслѣдъ за тѣмъ Кречетниковъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и сражался съ турками еще два года подъ начальствомъ новаго главнокомандующаго (7) П. А. Румянцева. При выступленіи русской арміи изъ Польши въ 1770 году противъ турокъ, Румянцевъ оставилъ здѣсь часть войска для прикрытія тыла арміи и борьбы съ конфедератами, поручая наблюденіе за этимъ дѣломъ генералъ-поручику Эссену, Кречетникову же приказано было оставаться съ войскомъ на правой сторонѣ Днѣстра, въ Галиціи, и держать порученные ему отряды во Львовѣ (8) и Бродахъ. Въ теченіе зимы конфедераты присмирѣли и скрывались, какъ могли, въ городахъ Галиціи и Венгріи, не смѣя показываться въ открытомъ полѣ, нѣкоторые разошлись по домамъ. Но съ наступленіемъ весны 1770 года они снова начали появляться отдѣльными партіями и производить смѣлыя нападенія. Михаилъ Никитичъ зорко слѣдилъ за появлявшимися около венгерской границы конфедератами и дѣйствовалъ противъ нихъ энергично. Но однажды подполковникъ изъ команды Кречетникова, преслѣдуя конфедератовъ на самой венгерской границѣ, замѣтилъ, что венгерскіе часовые дали свободный пропускъ спасавшейся партіи. Онъ увлекся преслѣдованіемъ и, забывъ строгое запрещеніе Кречетникова, перешелъ границу. Дѣло могло бы принять серьезный оборотъ, но графъ Румянцевъ успокоилъ австрійское начальство, съ виновнаго взыскалъ, а Кречетникова отозвалъ въ дѣйствующую армію. Здѣсь, принимая участіе въ знаменитой битвѣ при

(5) Чт. Им. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1863 г. т. 4.
(6) Ibid.
(7) Въ сентябрѣ 1769 г. кн. Голицынъ отозванъ въ Петербургъ.
(8) См. „Война Россіи съ Турціею", Петрова т. I.

Кагулѣ, Михаилъ Никитичъ своею храбростію и расторопностію обратилъ на себя вниманіе полководца и возстановилъ въ немъ довѣріе къ себѣ. Въ концѣ 1770 года, разбивъ турокъ въ Малой Валахіи при Крайновѣ, Кречетниковъ занялъ этотъ стольный городъ ея; онъ съ радостію былъ встрѣченъ жителями и духовенствомъ, какъ избавитель отъ турецкаго ига; при чемъ ему было поднесено отъ города 2000 левовъ въ знакъ благодарности за тотъ порядокъ, съ которымъ войска вступили въ городъ, не нанося обиды ни одному жителю. Не принимая лично предложенныхъ денегъ, Михаилъ Никитичъ роздалъ ихъ своимъ солдатамъ. Императрица наградила Кречетникова орденомъ Анны 1-ой степени, а графъ Румянцевъ письменно поздравилъ его „съ этимъ знакомъ монаршей милости“ (9), чѣмъ выразилъ перемѣну своихъ отношеній къ Михаилу Никитичу. На первыхъ порахъ службы Кречетникова подъ начальствомъ графа Румянцева нельзя не замѣтить натянутости въ отношеніяхъ послѣдняго къ первому. Румянцевъ былъ недоволенъ братомъ Михаила Никитича, съ которымъ онъ имѣлъ столкновеніе по дѣлу усмиренія гайдамацкаго возстанія въ 1768 году и борьбѣ съ конфедератами (10). Къ тому же графъ Румянцевъ соперничалъ съ Г. А. Потемкинымъ, а послѣдній покровительствовалъ Михаилу Никитичу. Объ отмѣнной довѣрчивости къ себѣ графа Петра Александровича Кречетниковъ поспѣшилъ сообщить графу З. Г. Чернышеву, который отвѣтилъ ему, что такое довѣріе вполнѣ заслуженное и соотвѣтствуетъ ревности и усердію его къ службѣ. Не смотря на измѣнившееся къ лучшему отношеніе Румянцева къ Кречетникову, послѣдній не остался въ арміи. Въ томъ же письмѣ отъ 30 апрѣля 1771 года графъ Чернышевъ извѣщалъ Михаила Никитича о томъ, что „по представленной сюда его челобитной подносенъ былъ Ея Императорскому Величеству отъ военной коллегіи докладъ и 19 марта конфирмованъ съ Высочайшимъ на просьбу соизволеніемъ“. У насъ нѣтъ подробныхъ свѣдѣній о томъ, въ чемъ состояла челобитная Кречетникова; неизвѣстны также и обстоятельства, побуждавшія его

(9) Письмо гр. Румянцева отъ 29 мая 1771 г. см. Чт. Имп. Общ. Ист. и Др. Рос. 1863 г. т. 4 стр. 51.

(10) См. переписку П. А. Румянцева въ Кіевской Стар. 1882 г. томъ 1-й.

оставить поле сраженія. Къ этому времени состоялся первый раздѣлъ Польши, по которому Россія возвратила Бѣлорусскій край; присоединенныя земли раздѣлены были на двѣ губерніи—Псковскую и Могилевскую; въ послѣднюю опредѣленъ губернаторомъ генералъ-маіоръ М. В. Каховской, а въ первую—уволенный изъ дѣйствующей арміи М. Н. Кречетниковъ съ правомъ выбрать мѣстомъ пребыванія своего Витебскъ и Полоцкъ, переѣзжая изъ одного въ другой, смотря по обстоятельствамъ и надобности. Михаилъ Никитичъ жилъ по преимуществу въ Полоцкѣ, какъ лучшемъ городѣ.

Генералъ-губернаторомъ Бѣлоруссіи былъ графъ З. Г. Чернышевъ, который въ то же время состоялъ президентомъ Военной Коллегіи и жилъ въ Петербургѣ. Съ 1772 г. по 1775 годъ занимался Кречетниковъ устройствомъ новопріобрѣтенной губерніи. Къ этому времени относятся письма графа З. Г. Чернышева къ Кречетникову, касающіяся разныхъ предметовъ управленія. По нимъ можно судить не только о трудолюбіи и исполнительности Михаила Никитича, но и о его административныхъ способностяхъ. Реорганизація этой губерніи требовала умѣнья, осмотрительности и труда: нужно было первоначально привести въ извѣстность настоящее ея положеніе и затѣмъ устанавливать новые порядки, водворяя русскія начала. Послѣ обнародованія манифеста о присоединеніи этой земли къ Россіи и приведенія жителей ея къ присягѣ на вѣрность Престолу, требовалось сдѣлать поголовную перепись. „Совершенно знаю я, писалъ къ Кречетникову графъ Чернышевъ, что при поголовной переписи, какъ при дѣлѣ тамъ совершенно незнакомомъ и вовсе небываломъ, множество повстрѣчается Вамъ затрудненій и безпокойства, но знаю я и то, что исправности и трудолюбія Вашего ничто преодолѣть не въ состояніи". Въ другомъ письмѣ графъ Чернышевъ проситъ Кречетникова „въ описаніе о землѣ и количествѣ городовъ, мѣстечекъ и деревень внести не только число обывателей и земледѣльцевъ и генеральную ихъ подать, но и то, кому именно они принадлежатъ, и почему, и на какомъ основаніи подати свои платятъ, также, сколько можно обстоятельнѣе о соли и винѣ, а равномѣрно и о томъ, какъ почты учреждены и изъ котораго въ какія мѣста, и примѣрную хотя всему карту". „Я знаю, добавляетъ Чернышевъ, что все сіе наведетъ Вамъ немалое безпо-

койство, но знаю и то, что нѣтъ ничего, чтобы усердіе и ревность Ваша преодолѣть не могли". Часто Михаилъ Никитичъ представлялъ своему генералъ-губернатору свои соображенія и планы по устройству Псковской губерніи и всегда получалъ одобреніе за предусмотрительность и радѣніе о пользѣ народа и интересахъ государства. Графъ Чернышевъ вполнѣ полагался на распорядительность и тактичность въ управленіи Михаила Никитича и былъ увѣренъ, что онъ „новымъ подданнымъ можетъ доказать превосходство нынѣшняго ихъ предъ прежнимъ правленія и прилагаемаго къ благоденствію ихъ старанія". Онъ высказываетъ свое удовольствіе по поводу скораго рѣшенія Кречетниковымъ судебныхъ дѣлъ, находитъ справедливымъ строгія мѣры, предпринятыя имъ противъ обмана въ торговлѣ, хвалитъ его распоряженіе о запасныхъ магазинахъ на случай неурожая и дороговизны хлѣба и рекомендуетъ Могилевскому губернатору Каховскому сдѣлать то же, одобряетъ предлагаемый Кречетниковымъ способъ сбереженія лѣсовъ, обѣщаетъ хлопотать о постройкѣ поташнаго завода и разработкѣ найденной около Себежа желѣзной руды. Михаилъ Никитичъ, находя чрезмѣрную бѣдность Бѣлорусскаго населенія, просилъ графа Чернышева постараться о сокращеніи налоговъ; въ 1775 году эта милость была оказана и количество подушной подати было уменьшено на два года. О результатахъ дѣятельности Кречетникова графъ Чернышевъ въ письмѣ къ нему, отъ ноября 1774 года, отзывается такъ: „труды Ваши отъ времени до времени приводятъ уже всю препорученную Вамъ губернію въ такое состояніе, что въ ней и заведенъ порядокъ и сдѣланы такія средства, которыя къ существительной всѣхъ выгодѣ общественно служатъ, изъ чего и заключить не сумнюся, что многіе или и всѣ изъ тамошнихъ обывателей узнали всю ту цѣну, которую достоинствамъ Вашимъ отдавать долженствуетъ".

Въ церковномъ отношеніи Бѣлоруссія, по присоединеніи ея къ Россіи, имѣла двухъ епископовъ: надъ всѣми уніатскими церквами пастыремъ былъ архіепископъ Полоцкій Іассонъ Смогоржевскій, сильно стоявшій за цѣлость уніи въ русской области, а католическими церквами управлялъ архибискупъ Станиславъ Сестренцевичъ. Извѣстно, что знаменитая папская булла 1773 года, упразднявшая іезуитскій орденъ, по волѣ Екатерины, не была объявлена въ присоединенныхъ бѣлорусскихъ губерніяхъ,

и орденъ продолжалъ существовать тамъ до 1820 года. Образованіе юношества сосредоточивалось въ школахъ, учрежденныхъ при кляшторахъ іезуитскихъ и другихъ монашескихъ орденовъ. Къ этому времени относится любопытный документъ—„инструкція о воспитаніи“, объясняющій отношеніе православныхъ русскихъ людей къ іезуитскому воспитанію и образованію. Инструкція эта написана Михаиломъ Григорьевичемъ Лебедевымъ, смоленскимъ дворяниномъ, своему дворовому человѣку, отправленному въ качествѣ дядьки съ сыномъ своего барина въ Полоцкій іезуитскій кляшторъ, чтобы слѣдить за воспитаніемъ барскаго сына. Нужда заставила Михаила Григорьевича отправить своего сына въ Полоцкъ, такъ какъ не было по близости русскихъ школъ, въ которыхъ его сынъ могъ бы получить болѣе широкое образованіе. Но онъ, насколько могъ, позаботился оградить свое родное, русское отъ совратительныхъ вліяній іезуитовъ. Такъ какъ польскій и латинскій языки могли служить незамѣтными проводниками католичества и средствомъ для вліянія враждебной тогда русскимъ польской національности, то Михаилъ Григорьевичъ наказываетъ дядькѣ просить, чтобы польскому и латинскому языкамъ сына его не учили. Накрѣпко подтверждаетъ этому ментору смотрѣть и за тѣмъ, чтобы сынъ прилежно молился Богу и соблюдалъ посты, особенно среду и пятницу. Надзоръ и попеченіе о своемъ сынѣ дворянинъ Лебедевъ поручаетъ не одному только вѣрному слугѣ, а проситъ объ этомъ и Михаила Никитича Кречетникова, своего товарища по службѣ. Онъ вручаетъ дядькѣ письма къ Его Превосходительству и наказываетъ обращаться къ нему, когда нужно, за помощью.

Въ началѣ царствованія Екатерины II-ой дѣленіе на губерніи было чрезвычайно неравномѣрно по пространству и народонаселенію; а между тѣмъ штаты на каждую губернію были положены болѣе или менѣе одинаковые. Оттого дѣлопроизводство отличалось медленностію, а вмѣстѣ съ тѣмъ страдало и правосудіе. Поэтому Императрица считала необходимымъ для народнаго блага увеличить число губерній и установить новый порядокъ ихъ управленія. Въ 1775 г. было издано „Учрежденіе для управленія губерній“. Въ январѣ того же года открыта первая преобразованная губернія въ Твери графомъ Я. Е. Сиверсомъ, который былъ первымъ намѣстникомъ Тверскимъ и Новгородскимъ. Помощникомъ Си-

версу въ томъ же званіи губернатора переведенъ изъ Пскова въ Тверь Кречетниковъ, произведенный по случаю мира съ Турціею (10 іюля 1775 г.) въ генералъ-поручики. Графъ Сиверсъ, поздравляя своего друга Михаила Никитича съ новымъ назначеніемъ, замѣтилъ, что этотъ переводъ „открываетъ ему путь въ первое мѣсто". Дѣйствительно, Кречетниковъ не долго оставался въ Твери. Дѣловитостію своею онъ обратилъ на себя вниманіе Государыни, и Сиверсъ въ іюнѣ 1776 года извѣщалъ его изъ Царскаго Села, что отзывъ Ея Величества о немъ милостивъ и что пребываніе его въ Твери будетъ не долго; а отъ 14-го августа того же года Михаилъ Никитичъ получилъ отъ Сиверса извѣстіе о томъ, что ему поручается открыть Калужское намѣстничество. Указъ состоялся 24 августа 1776 года; исполнивъ это порученіе, онъ въ 1777 году открылъ намѣстничество въ Тулѣ, а въ слѣдующемъ году въ Рязани. Должность генералъ-губернатора этихъ трехъ губерній Кречетниковъ отправлялъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Свое намѣстничество онъ ознаменовалъ усиленною дѣятельностію по улучшенію и болѣе правильной организаціи работъ въ оружейномъ Тульскомъ заводѣ, по учрежденію присутственныхъ мѣстъ и заведенію при нихъ штатовъ, по устройству новыхъ городовъ и распланированію старыхъ, по размежеванію земель и проведенію границъ между губерніями и округами, по устройству городскихъ и сельскихъ школъ и т. п. Все это требовало частыхъ поѣздокъ по губерніямъ и въ Петербургъ и вызывало живую переписку съ Екатериною II-й. Сохранились два „журнала реляціямъ къ Государинѣ" (11) М. Н. Кречетникова: одинъ написанъ имъ въ 1782 году, съ среднихъ чиселъ марта до половины декабря, а другой—въ 1787 г. съ первыхъ чиселъ января по первыя же числа октября. Оба эти журнала даютъ наглядное понятіе объ умѣ и энергіи Михаила Никитича, его предусмотрительности и стараніи объ интересахъ государства и блага народа. Императрица была довольна управленіемъ Кречетникова и награждала его чинами, орденами и деньгами. Еще въ Твери онъ получилъ знаки польскихъ орденовъ, какъ видно изъ письма Сивер-

(11) См. Чт. въ Общ. Ист. и древ. Рос. 1863 г. т. 4-й.

ся къ нему отъ 2 іюня 1776 года (12); а за труды по генералъ-губернаторству въ 1779 г. былъ украшенъ орденомъ св. Александра Невскаго. Пикаръ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что въ 1782 году М. Н. Кречетниковъ получилъ награду въ 10 тысячъ рублей и что это была третья съ тѣхъ поръ, какъ онъ губернаторомъ Калуги и Тулы (13). Въ слѣдующемъ году онъ награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 1-й степени, а въ 1785 г. пожалованъ званіемъ сенатора.

Въ 1789 г. Россія находилась между двухъ огней: на сѣверѣ война съ Швеціей принимала болѣе и болѣе угрожающіе размѣры, на югѣ продолжалась упорная борьба съ Турціей, начавшаяся въ 1787 году. Дѣла на сѣверѣ особенно тревожили Екатерину: графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ, назначенный ею главнокомандующимъ финляндской арміей, оказался по ея словамъ, „неспособнымъ къ предводительству". Всѣ боевые генералы—графъ Румянцевъ Задунайскій, князь Долгоруковъ Крымскій, Суворовъ, кн. Репнинъ были на югѣ въ арміи, дѣйствовавшей противъ Турокъ. Сюда изъ Калуги былъ вызванъ Потемкинымъ М. Н. Кречетниковъ, который продолжалъ еще числиться въ спискахъ военныхъ чиновъ и теперь, сохраняя должность генералъ-губернатора указанныхъ губерній, отличался въ борьбѣ съ турками. Г. А. Потемкинъ раздѣлилъ бывшую украинскую армію на три корпуса, ввѣривъ начальство надъ ними кн. Н. В. Репнину, М. Н. Кречетникову и А. В. Суворову. Императрица предполагала отозвать Кречетникова на сѣверъ и поручить ему финляндскую армію вмѣсто Мусина-Пушкина (14), но намѣреніе Екатерины скоро измѣнилось: на мѣсто Мусина-Пушкина назначенъ былъ графъ И. П. Солтыковъ, а Кречетниковъ замѣнилъ собою графа Румянцева, который вышелъ въ отставку. Въ 1790 г. М. Н. Кречетниковъ, произведенный въ полные генералы (генералъ-аншефы), получилъ должность генералъ-губернатора Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородъ-Сѣверскаго, при чемъ ему было ввѣрено командованіе войсками, расположенными въ Малороссіи.

---

(12) Ibid. стр. 58.
(13) Записки Пикара. Рус. Стар. 1878 г. т. II стр. 48.
(14) Русская Старина 1876 г. т. 4 стр. 24.

Дальнѣйшая видная дѣятельность Михаила Никитича Кречетникова находится въ тѣсной связи съ актомъ возвращенія юго-западныхъ земель къ Россіи по второму раздѣлу Польши.

Мы остановимся на обозрѣніи тѣхъ событій, которыя совершались въ Польшѣ на канунѣ ея политической смерти и подготовили ея гибель.

Въ исторіи Рѣчи Посполитой время отъ 1773 года до 1793 г. характиризуется попыткой нѣкоторыхъ поляковъ спасти свое отечество отъ разрушенія произведеніемъ коренныхъ реформъ въ государственномъ строѣ. Попытка эта, какъ извѣстно, только ускорила паденіе Польши. Но польскіе историки слишкомъ вѣрятъ въ возстановляющую силу преобразованій и неудачу ихъ объясняютъ вмѣшательствомъ Россіи. Они не желаютъ согласиться съ тѣмъ, что для разлагавшагося государственнаго организма Рѣчи Посполитой реформа его имѣла дѣйствіе свѣжаго воздуха, усиливающаго гніеніе, что Императрица Екатерина II-я шла за событіями, создаваемыми самими поляками себѣ на погибель. Императрица Екатерина II-я, говорятъ поляки, не позволила возродить Польшу конституціею 3 мая, извлечь ее изъ стѣсненнаго положенія и сдѣлать сильною внутри и уважаемою извнѣ. „Нѣтъ, отвѣчаетъ г. Костомаровъ, ничего легкомысленнѣе фразъ, повторявшихся нѣсколько разъ поляками, а за ними и писателями другихъ народовъ, что Польша съ конституціей 3 мая могла бы возвратиться къ новой жизни, если бы ей не помѣшали извнѣ. Она никакъ не могла избѣжать внѣшняго вмѣшательства, когда это самое возрожденіе предпринято было по внушеніямъ, подстрекательству и одобренію одной державы съ тѣмъ, чтобы избавиться отъ давленія другой“. Далѣе тотъ же авторъ выражается такъ: „конституція 3 мая во всякомъ случаѣ не могла возродить Польшу; оставивъ крестьянъ подъ гнетомъ владѣльцевъ, ограничиваясь нѣсколькими благородными фразами въ ихъ пользу и приготовляя въ будущемъ не мирное ихъ освобожденіе, а кровавую рѣзню, воскресители Польши, собственно говоря, почти ничего важнаго не сдѣлали для возрожденія ея“. Польскому дворянству для спасенія своего отечества слѣдовало прежде всего пожертвовать своимъ эгоизмомъ, возвратить существованіе тѣмъ, у которыхъ было отнято имущество и религіозная свобода и которыхъ столько вѣковъ угнетали. Для польскихъ плебеевъ вообще и въ частно-

сти для русскаго населенія только раздѣлы Польши были освобожденіемъ изъ рабства.

Чтобы обновить государство, надобенъ былъ новый элементъ, новая нравственная и физическая сила; въ Польшѣ же XVIII вѣка не было ни той, ни другой. Картина польскихъ нравовъ, представляемая самими же поляками-историками и послами иностранныхъ державъ, жившими въ Варшавѣ, самая безотрадная, свидѣтельствующая объ оскуденіи семейныхъ, гражданскихъ и государственныхъ добродѣтелей. Продажность, самоуправство, кичливая горделивость, мелкое честолюбіе, заносчивость и крайняя расшатанность семейныхъ основъ были общими свойствами польскаго дворянства, державшаго въ своихъ рукахъ государство. Вельможи гонялись за пенсіями иностранныхъ дворовъ, подкапываясь подъ свое отечество, а мелкая шляхта старалась какъ можно дороже продать себя своимъ магнатамъ, которые смотрѣли на себя, какъ на королей въ королевствѣ. Въ аристократическо-республиканской Польшѣ истинный патріотизмъ превратился въ узкій эгоизмъ, въ самообожаніе, которое часто принимало комическую форму въ проявленіяхъ мелкаго честолюбія. Польскій историкъ Лелевель говоритъ, что желаніе пріобрѣсти титулъ никогда не обуревало поляковъ въ такой степени, какъ послѣ перваго раздѣла Польши. Когда сознаніе гражданскаго долга работать и жертвовать собою для блага отечества понижается, и самое благо государства разсматривается съ точки зрѣнія своекорыстныхъ, эгоистическихъ интересовъ, когда граждане идутъ въ разбродъ, считая для себя закономъ только произволъ, то насколько отъ этого теряетъ общее дѣло, приходя въ упадокъ и разрушеніе, настолько выигрываетъ и сильнѣе заявляетъ себя личная жизнь. Открывается полный просторъ жизни въ свое удовольствіе. Такъ было въ Польшѣ XVIII столѣтія. Въ это время любовь къ внѣшнему блеску и роскоши и распущенность нравовъ пріобрѣли среди польскаго общества эпидемическій характеръ. Варшава, замѣчаетъ Михаловскій, быть можетъ, никогда такъ не веселилась, какъ въ описываемое время! Балы, обѣды, маскарады шли одни за другими. Даже роковой ударъ не отрезвилъ Поляковъ. Охотскій въ своихъ мемуарахъ описываетъ польское общество, съѣхавшееся во Львовъ на другой день послѣ окончательного раздѣла Польши, въ такихъ выраженіяхъ:

„это было наводненіе порока и никакія плотины не могли удержать волнъ въ ихъ бурномъ стремленіи... Никто даже устъ не раскрывалъ о недавнихъ бѣдствіяхъ отечества. Казалось, за ними не было никакого прошедшаго, впереди не было будущаго, никакого „завтра"... что дѣлалось при навѣщаніи плащаницы—странно сказать... Понинскій, Ржевусскій, Вельгорскій—бывшіе довудцы возстанія, хваставшіе тѣмъ, что они защищали дѣло Рѣчи Посполитой подъ Вильной и Варшавой и величавшіе себя титуломъ генераловъ, стояли теперь во главѣ львовскихъ кутежей"... (15) Не забудемъ, что тогда въ Польшѣ царствовало въ полномъ блескѣ безбожіе XVIII вѣка, заразившее столичное общество и начинавшее уже овладѣвать молодымъ поколѣніемъ въ провинціи.

Нельзя сказать, что въ этой мрачной картинѣ польскихъ нравовъ предъ концомъ существованія Рѣчи Посполитой были намѣренно сгущены краски. Вся предшествовавшая исторія Польши неизбѣжно приводила къ такому вырожденію. Исторія Польши съ самаго ея начала можетъ быть опредѣлена словами: „постепенный упадокъ". Это было государство шляхетское, гдѣ польская національность исключительно состояла изъ дворянства, такъ какъ народъ, признававшійся иною породою людей, былъ порабощенъ до абсолютнаго безправія, гдѣ съ кончиною Казимира, послѣдняго короля изъ Пястовъ, корона польская стала продаваться иностраннымъ принцамъ, а король имѣлъ значеніе только раздавателя староствъ и самъ былъ не болѣе, какъ первымъ помѣщикомъ, такъ какъ, при вступленіи на престолъ, дворяне требовали отъ него подписать хартію—pacta conventa, которою онъ уничтожалъ всю свою власть. Въ этомъ государствѣ законы существовали безъ исполнительной власти, а судебныя дѣла и тяжбы рѣшались вооруженными наѣздами самихъ тяжущихся; государстсенная жизнь въ своихъ рѣшеніяхъ предоставлялась узаконенному вооруженному мятежу. Всяческія злоупотребленія, грабежи, разбои, убійства, угнетеніе крестьянъ царили во всемъ своемъ самоуправномъ могуществѣ, не зная ни страха, ни отвѣта предъ закономъ. Польское дворянство, проживъ въ этой вѣковой школѣ безправія и разнузданности, не могло не развить въ себѣ до крайнихъ

---

(15) Охотскій II, 17—25.

размѣровъ и проявленій ту нетерпящую чужаго права исключительность и тѣ самоуправные инстинкты, которые дѣлаютъ людей врагами всякаго закона и порядка.

Никто изъ Европейскихъ коронованныхъ особъ и дипломатическихъ дѣятелей XVIII столѣтія не понималъ яснѣе неизбѣжной судьбы Польши, какъ Императрица Екатерина II, но никто, съ другой стороны, столько не желалъ продлить ея существованіе, какъ эта Великая Монархиня. Очевиднымъ доказательствомъ этого служатъ письма и рескрипты Императрицы Екатерины II. Въ своемъ письмѣ къ Гримму, отъ 24 января 1789 года, Императрица дѣлаетъ такія замѣчанія по поводу Польши: „Вы напрасно стараетесь уничтожить Польскую націю: она сама къ тому стремится. Не такъ давно они уничтожили Постоянный Совѣтъ, который одинъ только могъ понуждать къ исполненію законовъ. Не бойтесь: пустая, безумная нація все будетъ сумазбродствовать, пока, наконецъ, придетъ минута, что она убѣдится въ своихъ глупостяхъ и раскается (16). А на сообщеніе Булгакова отъ 12 октября 1790 года изъ Варшавы о планѣ Игнатія Потоцкаго соединить Польшу съ Пруссіею подъ однимъ королемъ она отвѣчала: „Когда за нѣсколько лѣтъ у нѣкоторыхъ поляковъ приходила мысль о соединеніи Россіи съ Польшею, тогда отъ насъ сей планъ оставленъ былъ въ молчаніи, понеже мы взирали на Польшу, яко на державу посереди четырехъ сильнѣйшихъ находящуюся и служащую преградою отъ многихъ сосѣдственныхъ раздоровъ. Сію преграду сохранить елико возможно далѣе мы пеклись донынѣ и пещись будемъ; дондеже злостные затѣи враговъ нашихъ и самой Польши насъ не принудятъ перемѣнить наше объ ней благое расположеніе, и всякой благомыслящій полякъ въ насъ найдетъ слѣдовательно во всякое время защиту свою и отечества его. Таковыя и тому подобныя разсужденія, добавляетъ Императрица, дозволяемъ вамъ употреблять и внушать друзьямъ нашимъ“ (17). Нѣтъ никакого основанія это письмо толковать въ томъ смыслѣ, что будто бы Екатерина обрекала Польшу заранѣе на гибель и что письмо было ловушкою для

(16) „Русскій Архивъ“, 1878 г. № 10, стр. 166.
(17) „Исторія паденія Польши“ С. М. Соловьева; стр. 239—240.

поляковъ. Прежде всего, Императрица менѣе всего заинтересована была въ паденіи Польши и не считала нужнымъ ломать голову и прибѣгать къ различнаго рода средствамъ для уничтоженія того, что само собою разрушалось. Далѣе, ея геніальный умъ одушевляла другая великая идея—идея единенія славянскихъ народовъ; она на первыхъ порахъ готова была даже оружіемъ защищать это славянское дѣло и сражаться съ вооруженной коалиціей изъ-за Польши, спасти славянъ отъ совершеннаго поглощенія нѣмецкимъ племенемъ. Наконецъ, ея мысли всецѣло были обращены на осуществленіе историческаго долга Россіи по отношенію къ единокровнымъ и единовѣрнымъ жителямъ юго-западныхъ земель. Россія въ качествѣ первествующей славянской державы не могла не позаботиться, чтобы сосѣднее славянское государство не шло по дорогѣ къ онѣмеченію. А по отношенію къ русскому православному населенію въ Польшѣ она должна была исполнить древнее историческое свое призваніе. Поэтому Императрица Екатерина II старалась „отторженная возвратить" и Польшу сохранить, но и для ея великаго ума это благое намѣреніе оказалось невозможнымъ при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ тогда находилась Россія. Пруссія и Англія, а съ ними Швеція и Турція стѣсняли Россію въ ея дѣйствіяхъ относительно Польши, поляки же болѣе другихъ явились врагами Россіи, поддерживаемые въ этомъ Пруссіей. Если же послѣдовалъ раздѣлъ Польши, то въ этомъ дѣлѣ Императрицѣ Екатеринѣ II приходилось уступать требованіямъ Пруссіи и Австріи съ тѣмъ, чтобы хотя возвратить свои древне-русскія земли. Въ этомъ смыслѣ данъ былъ Императрицею отъ 18 іюля 1791 г. секретный рескриптъ князю Потемкину, въ которомъ, между прочимъ, высказывается такое предположеніе: „въ случаѣ оказательства непреодолимой въ королѣ Прусскомъ жадности, должны будемъ, въ отвращеніе дальнѣйшихъ хлопотъ и безпокойствъ, согласиться на новый раздѣлъ польскихъ земель въ пользу трехъ сосѣднихъ державъ. Тутъ уже та будетъ выгода, что, расширяя границы государства нашего, по мѣрѣ онаго распространимъ и безопасность его, пріобрѣтая новыхъ подданныхъ единаго закона и рода съ нашими, которые давно на силу и помощь нашу полагали свое упованіе въ угнетеніяхъ ихъ" (18).

---

(18) „Русскій Архивъ", 1874 г. № 8, стр. 283.

Чего не въ состоянія была сдѣлать для Польши Императрица Екатерина II, то осуществилъ избранникъ ея сердца, великодушный внукъ ея, Императоръ Александръ I, благословляемый всѣми народами. Всецѣло преданный идеѣ единенія и братства славянскихъ народовъ, онъ одинъ изъ европейскихъ государей защищалъ на Вѣнскомъ конгрессѣ польскую народность и возстановилъ Царство польское изъ земель, принадлежавшихъ раньше коронѣ Пястовъ. И что же? Оно могло просуществовать не болѣе 15 лѣтъ: анархическій духъ отцовъ сохранился у потомковъ ихъ, который вторично и навсегда погубилъ Польшу.

Въ исторической судьбѣ Польши есть что-то роковое и неизбѣжное. Наполеонъ I находилъ причину паденія польскаго государства въ характерѣ поляковъ: „votre nation, сказалъ онъ Варшавской депутаціи въ 1813 году, porte sa ruine dans son caractere“. Одни обвиняютъ географію Польши, а другіе указываютъ на законъ политическаго равновѣсія въ Европѣ, говоря, что Польша, безпрестанно нарушавшая равновѣсіе подкупомъ своихъ выборовъ и торговавшая своимъ трономъ посреди цивилизованной Европы, должна была подвергнуться раздробленію. Сами же поляки охотнѣе соглашаются съ мнѣніемъ относительно географіи Польши и склонны болѣе винить другихъ, чѣмъ самихъ себя. Не слѣдуетъ, однако, забывать той неоспоримой истины, что кромѣ суда исторіи есть судъ Божій, къ которому въ 1620 г. на польскомъ сеймѣ взывалъ словами пророка: „Суди ми, Боже, и разсуди прю мою“—Волынскій депутатъ, описывая нестерпимыя гоненія, которыя русскій народъ въ польскихъ областяхъ терпѣлъ за вѣру. На ряду съ людьми, изучающими силы природы, законы и формы человѣческой жизни, есть люди, посвятившие самихъ себя на изслѣдованія проявленія въ жизни людей силы Божьей и правды Его. Послѣдніе говорятъ, что кто чѣмъ согрѣшилъ, тотъ тѣмъ и наказывается. Что справедливо относительно каждаго человѣка, справедливо и относительно народовъ. Несомнѣнно, что на исторіи польскаго народа лежитъ печать Правосудія. При такомъ только убѣжденіи и взглядѣ на паденіе Польши трауръ, который поляки надѣваютъ теперь, въ столѣтнюю годовщину смерти отечества, будетъ выраженіемъ покаянной грусти и молитвы за грѣхи отцовъ...

Но возвратимся къ раздѣлу.

Второй раздѣлъ Польши совершился во время французской революціи. Совпаденіе этихъ событій не было дѣломъ случайнымъ: революціонныя движенія во Франціи отразились на дѣйствіяхъ поляковъ и судьбѣ ихъ отечества. Когда революціонная гроза во Франціи все болѣе и болѣе принимала обширные размѣры, потрясая троны и уничтожая всѣ привилегіи дворянскихъ сословій, въ Польшѣ задумали нѣчто подобное. Молодые поляки французской школы, съ королемъ, во главѣ, производили громадный переворотъ введеніемъ „мѣщанской" конституціи 3 мая. Польское дворянство не потерпѣло этого и обратилось за помощью къ Россіи. Въ виду угрожающихъ дѣйствій со стороны Франціи Пруссія, Австрія и Россія раздѣлили Польшу, въ которой революціонныя идеи находили для себя благопріятную почву.

Таковъ въ общихъ чертахъ былъ ходъ этого дѣла. Подробности его раскрываются въ характерѣ и дѣйствіяхъ короля Станислава Понятовскаго, въ отношеніяхъ Пруссіи къ Польшѣ и послѣдней къ Россіи.

Сынъ воеводы Мазовецкаго, стольникъ Литовскій Станиславъ Августъ, по желанію Русскаго двора и съ соглассія Фридриха II, сдѣлался королемъ Польскимъ въ то время, когда неурядицы внутри государства выдвигали неизбѣжный вопросъ о преобразованіи правительственныхъ формъ. Съ мыслью о реформахъ и самымъ пламеннымъ желаніемъ сдѣлать добро своей родинѣ вступилъ на престолъ Станиславъ Понятовскій, который хотѣлъ быть для Польши тѣмъ же, чѣмъ его знаменитые сосѣди—Екатерина II для Россіи, Фридрихъ II для Пруссіи и Іосифъ II для Австріи. Но эта роль оказалась ему не по силамъ. Онъ не обладалъ великимъ умомъ и желѣзною силою воли, которые даютъ возможность людямъ бороться съ обстоятельствами и направлять ихъ къ извѣстной цѣли. Въ теченіе всей своей жизни онъ руководился чужими мнѣніями даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ свои собственныя. Онъ былъ до того изнѣженъ, что боялся выстрѣла; во всемъ высказывалъ артистическія наклонности и свѣтскою любезностію превосходилъ всѣхъ современныхъ ему монарховъ Европы. Мягкій, уступчивый по природѣ, Станиславъ Понятовскій, случайно вознесенный на тронъ, шатавшійся уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, оказался еще болѣе безсильнымъ и безпомощнымъ. Польша, отвыкшая видѣть на своемъ тронѣ природнаго ко-

рола, приняла его равнодушно, а польская аристократія отвергнулась отъ него, какъ отъ бѣднаго, мелкаго шляхтича. Онъ ни богатствомъ, ни древностью рода, ни численностію своихъ приверженцевъ не могъ стать выше первыхъ людей въ Польшѣ, которые смотрѣли на него, какъ на человѣка новаго, случайнаго. Воспитанный въ иностранной школѣ, онъ окружилъ себя выходцами изъ Франціи и Италіи. Къ нему примкнула и вся новая, такъ сказать, Польша, которая наполняла дворъ и столицу. Вся молодежь, получившая образованіе во французскихъ школахъ и желавшая преобразовать Польшу во что-то похожее на Францію, находила въ королѣ сочувствіе собственнымъ взглядамъ и была ему предана. Но сила народная была въ старой, такъ называемой, контушевой шляхтѣ, живщей въ провинціяхъ. Послѣдняя съ ужасомъ смотрѣла на столицу и на тѣхъ, которые, окружая короля, всѣмъ управляли. Все царствованіе этого короля было непрерывною борьбою съ древними домами польскими. Въ отношеніяхъ Станислава Понятовскаго къ Россіи проявились неустойчивость и двойственность, какъ слѣдствіе его безхарактерности. У него было постоянное колебаніе между Россіею и Польшею. Онъ лучше другихъ понималъ, что при глубокомъ разложеніи Польши ея спасеніе заключается въ союзѣ съ Россіею; умѣлъ это высказывать на сеймахъ, но обыкновенно прибавлялъ „впрочемъ, какъ будетъ угодно націи“. Въ началѣ своего царствованія Понятовскій намѣренъ былъ привести Польское государство къ полному соглашенію съ Русскими государственными интересами. Но онъ не встрѣтилъ въ польскомъ обществѣ сочувствія и поддержки для своей политической цѣли. Тогда онъ мѣняетъ свою политику по отношенію къ Россіи, думая, что если поляки ненавидятъ его какъ подручника Петербургскаго Двора, то они полюбятъ его какъ защитника отъ посторонняго вмѣшательства. Онъ пытается составить свою партію, имѣть свои интересы и свою политику, желаетъ болѣе возвыситься въ Польшѣ и стать главою прогрессивной партіи. На его сторонѣ была мелкая шляхта Мазовецкая и Великопольская, которая была бѣдна, служила въ различныхъ канцеляріяхъ и жила жалованьемъ. Эти чиновники, болѣе близкіе къ столицѣ и охваченные западнымъ вѣяніемъ, стремились къ пріобрѣтенію значенія въ службѣ государственной. Король поспѣшилъ воспользоваться этимъ настроеніемъ,

уравнялъ эту шляхту въ правахъ съ сенаторами и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ многихъ сторонниковъ въ сенатѣ. Кромѣ того, онъ задумалъ создать для своей опоры новое дворянское сословіе изъ мѣщанъ, ограничивая при этомъ свободу шляхты отмѣной liberum veto, запрещеніемъ созывать сеймики и составлять конфедераціи.

Планъ такой реформы еще болѣе вооружилъ старое польское дворянство противъ Станислава Понятовскаго. Онъ нарушалъ историческія традиціи шляхты и наносилъ сильный ударъ „золотой вольности дворянства“. Шляхта привыкла къ конфедераціямъ и считала ихъ зеницею своей свободы. Магнаты же, составлявшіе особый, высшій классъ шляхты, гордившіеся своимъ происхожденіемъ и богатствомъ, успѣвшіе захватить въ свои руки всѣ высшія должности въ государствѣ и сдѣлать ихъ наслѣдственными въ своихъ семействамъ, не могли не чувствовать оскорбленія своей знатности. Они, хотя и высказывались иногда, гдѣ это было имъ нужно, за преобразованія, но далеки были отъ мысли жертвовать своими правами. Они видѣли въ королѣ—реформаторѣ похитителя своихъ привиллегій.

Образовалась въ Польшѣ оппозиціонная партія, стоявшая за сохраненіе прежнихъ порядковъ. Польша раздѣлилась главнымъ образомъ на два враждебныхъ лагеря—прогрессистовъ—реформаторовъ и консерваторовъ. Во главѣ консервативной партіи стояли два польскихъ магната—Францъ Ксаверій Браницкій, коронный гетманъ, и Станиславъ Феликсъ Потоцкій, генералъ коронной артиллеріи, богатѣйшій вельможа, владѣвшій 16 мѣстечками, 429 селеніями съ 130 тысячами крестьянъ въ Могилевскомъ, Брацлавскомъ, Винницкомъ, Гайсинскомъ и Балтскомъ уѣздахъ нынѣшней Подольской губерніи и въ Уманскомъ, Липовецкомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ Кіевской губерніи. Потоцкій былъ приверженцемъ старины, убѣжденный въ томъ, что престолъ избирательный общею подачею голосовъ всего шляхетскаго сословія, подъ руководствомъ аристократовъ, составляетъ неприкосновенную зеницу польской вольности. Онъ сходился съ Браницкимъ во взглядахъ и на то, что, при существовавшемъ положеніи дѣлъ въ Польшѣ, русскій союзъ былъ единственнымъ честнымъ выходомъ для Польши. Эти два пріятеля часто навѣщали другъ друга въ Бѣлой Церкви и Умани и имѣли огром-

ное вліяніе въ Русскихъ земляхъ Польши. Значеніе этихъ магнатовъ здѣсь было такое же, какое имѣли Чарторыйскіе на Волыни и Радзивилы въ Литвѣ.

Чарторыйскіе тянули къ Пруссіи и составили свою особую партію, къ которой, послѣ размолвки съ королемъ, присоединился Игнатій Потоцкій. Онъ былъ поклонникомъ нѣмцевъ и находилъ болѣе полезнымъ для Польши союзъ съ Пруссіею.

Король пока оставался нейтральнымъ: онъ не искалъ сближенія съ Пруссіею и не желалъ окончательнаго разрыва съ Россіею, а между прочимъ дѣятельно работалъ надъ увеличеніемъ своей партіи: въ 1784 году онъ путешествовалъ по Литвѣ, чтобы пріобрѣсть тамъ болѣе сторонниковъ, и посѣтилъ Виленскаго воеводу Карла Радзивила въ Несвижѣ, который угощалъ короля по-королевски. Въ Подоліи на сторонѣ короля были паны—Липинскій, Орловскій, Стадницкій и Рожнецкій. Въ 1786 году онъ сталъ готовиться къ встрѣчѣ съ Императрицею Екатериною II и Ея дворомъ, такъ какъ было извѣстно о предполагаемомъ путешествіи Императрицы на югъ. Король имѣлъ въ виду, при личномъ свиданіи съ Екатериною II-й и ея министрами, нѣсколько сгладить натянутыя отношенія Польши къ Россіи и разузнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла Россіи съ Турціею. Отъ предполагавшейся войны Россіи съ Турціею король и его партія ожидали для Польши большихъ выгодъ. Они разсчитывали предложить Россіи союзъ съ Польшею, которая помагала бы Россіи въ ниспроверженіи Оттоманской имперіи. Въ такомъ случаѣ Польша можетъ образовать у себя значительное войско и будетъ содержать его на русскія деньги; война для новообразованнаго войска послужитъ хорошею школою, а король, получивъ начальство надъ нимъ, имѣлъ бы въ своихъ рукахъ силу для обузданія своевольныхъ магнатовъ и для укрѣпленія власти. И если война окончится счастливо, то она могла даровать Польшѣ территоріальныя пріобрѣтенія и загладить потери перваго раздѣла. Подъ такими соображеніями король и его партія рѣшили искать союза съ Россіей.

29-го января 1787 г. Императрица Екатерина II-я прибыла въ Кіевъ, гдѣ прожила безъ малаго три мѣсяца—до 22 апрѣля, ожидая вскрытія рѣки, чтобы далѣе совершить путешествіе на галерахъ.

Къ этому времени изъ Польши „пол Польши" съѣхалось въ Кіевъ. Вся богатая и родовитая польская знать была въ Кіевѣ: одни желали удостоиться представленія Великой повелительницѣ Сѣвера и заявить ей о своей преданности Россіи; другіе пріѣхали съ тѣмъ, чтобы послушать, что будутъ говорить о Польшѣ и посмотрѣть къ кому и какъ изъ поляковъ отнесутся при дворѣ Екатерины ІІ-й и т. п. (19).

Короля Станислава-Августа Понятовскаго въ это время въ Кіевѣ не было: польское государственное право не дозволяло ему удаленія за предѣлы Польши безъ особеннаго разрѣшенія сейма, и онъ рѣшилъ ожидать встрѣчи съ императрицею Екатериною ІІ въ Каневѣ. 25 апрѣля состоялось свиданіе и продолжалось не долго. Во время свиданія, имѣвшаго характеръ визита, о политическихъ дѣлахъ рѣчи не было.

Неопредѣленностію результатовъ этого свиданія самъ король остался недоволенъ: онъ на него истратилъ 3 милліона золотыхъ и могъ только узнать, что Императрица въ своихъ отношеніяхъ къ Польшѣ держится осторожной и выжидательной политики, что она не особенно довѣряетъ словамъ поляковъ и его самого о дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи, что союза Польши съ Россіею она желаетъ, но предоставляетъ ему самому устроить это дѣло и устроить прочно.

Ни въ Кіевѣ, ни въ Каневѣ не рѣшался вопросъ о томъ: быть или не быть Польшѣ; вопросъ этотъ былъ предоставленъ времени и благоразумію самихъ поляковъ. Императрица сомнѣвалась въ искренности дружбы поляковъ, но и не считала союзъ Россіи съ Польшей при извѣстныхъ условіяхъ, совершенно невозможнымъ. Такъ, въ 1788 году во время уже войны съ турками она писала Потемкину: „касательно польскихъ дѣлъ, въ скоромъ времени пошлются приказанія, кои приготовляются, для начатія соглашенія; выгоды имъ обѣщаны будутъ; если симъ привяжемъ поляковъ и они намъ будутъ вѣрными, то сіе будетъ первый примѣръ въ исторіи постоянства ихъ" (20).

---

(19) „Путешествіе Императрицы Екатерины ІІ въ южную Россію въ 1787 году" Кіев. Стар. 1891 г. № 1–8 и слѣд.

(20) „Исторія паденія Польши" С. М. Соловьева. 181.

Между тѣмъ оппозиціонная партія работала въ пользу союза Польши съ Пруссіею. Игнатій Потоцкій отправился въ Берлинъ, чтобы просить Прусскаго короля предложить полякамъ на будущемъ сеймѣ свой союзъ и ручался за успѣхъ, обѣщая поддержку со стороны партіи Чарторыйскихъ (21). Прусскій главный министръ Герцбергъ, управлявшій, по смерти Фридриха II-го, дѣлами при слабомъ его преемникѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ II-мъ, былъ очень доволенъ представившимся случаемъ завести козни въ Польшѣ противъ Россіи и надѣялся, не вступая ни съ кѣмъ въ войну, распространить свои владѣнія на счетъ Польши. Ближайшіе виды Пруссіи были на Данцигъ и Торнъ съ ихъ округами: овладѣвъ этими городами, которые держали въ рукахъ своихъ польскую торговлю, Пруссія соединяла свои владѣнія, раздѣляемыя полосою земли, принадлежавшею Польшѣ. Это было первичное и самое скромное желаніе; но при большихъ успѣхахъ прусская дипломатія имѣла въ виду пріобрѣсть на счетъ Польши и поболѣе. Нужно было только вооружить поляковъ противъ Россіи, и тѣмъ самымъ привязать Польшу къ Пруссіи и отдать ее въ распоряженіе послѣдней.

Прусскій король поспѣшилъ высказать полякамъ свои дружелюбныя предложенія и обѣщалъ сохранить ея независимость, свободу и безопасность. Въ этомъ смыслѣ посланы были изъ Берлина приказанія прусскому послу въ Польшѣ Бухгольцу, который усилилъ свою дѣятельность и разжигалъ въ полякахъ вражду къ Россіи. Дѣйствіе, произведенное прусскимъ внушеніемъ на поляковъ было необычайное: почти вся Польша обратилась къ Пруссіи, о Россіи и союзѣ съ нею и слышать не хотѣли. Въ сентябрѣ 1788 года на сеймикѣ въ Каменцѣ-Подольскѣ партія Чарторыйскихъ взяла верхъ надъ Русскою. Адамъ Чарторыйскій открыто заявилъ, что на будущемъ Варшавскомъ сеймѣ онъ со всѣми родственниками и друзьями будетъ поддерживать прусскую партію.

Въ октябрѣ 1788 года собрался въ Варшавѣ сеймъ, которому былъ предложенъ союзъ съ Россіею. Россія обязывалась вооружить на свой счетъ и содержать во все продолженіе турецкой войны 12-ти тысячный корпусъ польскаго войска, и даже послѣ заключенія мира, въ продолже-

---

(21) „Рус. Ахивъ", 1874 г. 927.

віе шести лѣтъ, выплачивать на его содержаніе ежегодно по милліону польскихъ золотыхъ; предложены были большія торговыя выгоды; дано обязательство вытребовать такія же выгоды и отъ Турціи при заключеніи мира. Король былъ всею душею за этотъ союзъ; но, при самомъ открытіи засѣданій, онъ нашелъ, что раздраженіе противъ Россіи уже сильно раздуто прусскою партіею. Когда Феликсъ Потоцкій подалъ голосъ за Россію, то на него закричали, какъ на измѣнника. Противъ короля сильно кричали, восхваляли Пруссію, бранили Россію. Поляки забыли, что въ 1773 г. Россія, имѣвшая болѣе правъ на Бѣлоруссію, чѣмъ Австрія на Червонную Русь и Пруссія на Померанію и часть Великой Польши, долго не хотѣла и противодѣйствовала раздѣлу Польши, что самый раздѣлъ и мысль о немъ возникли послѣ занятія Австріею Спижа, что принцъ Генрихъ Прусскій ѣздилъ въ Петербургъ, чтобы склонить къ раздѣлу Императрицу, которая такимъ образомъ была принуждена къ этому настояніями сосѣднихъ державъ; что если Данцигъ и Торнъ остались еще за Польшею, то благодаря единственно Императрицѣ, и это, между прочимъ, было причиною недоразумѣній между дворами Петербургскимъ и Берлинскимъ. Это факты исторіи, и какъ бы ни было велико предубѣжденіе, оно не въ силахъ уничтожить дѣйствительность фактовъ, болѣе чѣмъ очевидныхъ. Но поляки въ это время менѣе всего могли безпристрастно отнестить къ прошлому.

Королевская и русская партіи пали, число и дерзость оппозиціи возросли. Прусскій министръ отъ имени своего короля побуждалъ сеймъ какъ можно дѣятельнѣе работать надъ реформою. Первымъ дѣломъ былъ проэктъ увеличить для защиты страны число войска до 100,000. Сеймъ съ радостію принялъ его и рѣшилъ уничтожить военный департаментъ, установленный конституціею 1775 года, гарантированною Россіею; управленіе войскомъ поручено было независимой Военной Коммиссіи. Сеймъ объявленъ безсрочнымъ, чтобы имѣть время привести въ исполненіе всѣ предначертанныя реформы.

19-го января 1789 года было особенно бурное засѣданіе сейма: обсуждался проэктъ Игнатія Потоцкаго объ уничтоженіи Постояннаго Совѣта. Король былъ противъ этого проэкта; Постоянный Совѣтъ во многомъ былъ полезнымъ учрежденіемъ и давалъ хоть какой нибудь поря-

докъ Польшѣ. Къ тому же король опасался проведенiемъ этого проэкта навлечь немилость Императрицы и сталъ было вразумлять поляковъ. Но ненависть поляковъ къ Россiи теперь раздувалъ новый посолъ изъ Берлина ловкiй итальянецъ Лукезини.

Постоянный Совѣтъ былъ уничтоженъ, и поляки, чтобы показать свою самостоятельность, тотчасъ сообщили объ этомъ всѣмъ дворамъ. Они видѣли затруднительное положенiе Россiи и спѣшили воспользоваться этимъ, чтобы, по выраженiю С. М. Соловьева, „вдохнуть новыя силы въ разбитое параличемъ государственное тѣло и насладиться удовольствiемъ лягнуть льва, не разобравши, что онъ не только не былъ при смерти, даже не былъ боленъ“ (22).

Сапѣга съ товарищами кричали объ освобожденiи Польши изъ-подъ влiянiя Россiи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могли не сознавать, что въ самой Польшѣ есть Русь, русскiй православный народъ, который желаетъ освободиться отъ Польши. При закоренѣлой ненависти русскаго народонаселенiя областей Рѣчи Посполитой къ ляхамъ и послѣднихъ къ русскимъ, какъ схизматикамъ, чаянiя и ожиданiя однихъ всегда расходились съ желанiями другихъ. Надежды русскаго населенiя Польши всегда были обращены къ православной Россiи и для него не нужно было предвзятой пропаганды со стороны Русскаго правительства. Обстоятельства, предшествовавшiя сейму, особенно пробудили въ немъ надежды на перемѣну своего положенiя. Въ 1785 году для православныхъ въ польскихъ владѣнiяхъ назначенъ былъ епископомъ викарiй кiевскаго митрополита Викторъ Садковскiй. Въ южныхъ провинцiяхъ Польши, возникло стремленiе народа—возвратиться отъ унiи къ православiю. Затѣмъ, самое путешествiе Императрицы Екатерины II-й на югъ нѣсколько ободрило русскiй народъ въ Польшѣ. До него доходила вѣсть, что эта царица заступается за своихъ единовѣрцевъ въ Турцiи и ведетъ войну съ бусурманомъ; естественно рождалась мысль, что, если ей Богъ поможетъ, то Она заступится и за своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ, тѣмъ больше, что тамъ не только Ея единовѣрцы, но еще и русскiе.

---

(22) „Исторiя паденiя Польши“ С. М. Соловьева, 222.

Русскому народу въ Польшѣ вполнѣ естественно было желать скорѣе присоединиться къ православному Русскому государству, чѣмъ оставаться подъ властію чужой—католической, гдѣ притомъ онъ на каждомъ шагу слышалъ насмѣшки, оскорбленія своей вѣрѣ, гдѣ, сверхъ того, лишенный гражданскихъ правъ, порабощенный польскимъ и ополяченнымъ дворянствомъ, онъ не пользовался ничѣмъ такимъ, что бы его побуждало быть вѣрнымъ существующей власти. Поляки же, привыкшіе считать народъ безсмысленнымъ стадомъ скотовъ, не допускавшіе въ немъ самобытныхъ побужденій, смотрѣли на обращеніе его къ православію и къ Россіи, какъ на дѣло внѣшняго подстрекательства со стороны православнаго духовенства и людей, приходившихъ изъ Россіи Замѣчая теперь въ немъ подъемъ духа и предчувствіе свободы, они опасались новой коліевщины. Нѣтъ сомнѣнія, что при другихъ условіяхъ народное возстаніе могло бы имѣть мѣсто; но Россія этого не желала; православное духовенство не благословляло народъ на кровавое дѣло, проповѣдывало ему терпѣніе, и епископъ Викторъ Садковскій давалъ ему болѣе всего миролюбивый тонъ.

Между тѣмъ, однако поляки не вѣрили искренности поступковъ Садковскаго и считали его величайшимъ врагомъ своимъ и главнымъ виновникомъ народнаго волненія, хотя на самомъ дѣлѣ никакихъ бунтовъ со стороны русскаго народа противъ поляковъ не производилось; происходило только обращеніе уніятовъ къ православію; но поляки боялись, чтобы не повторились времена Желѣзняка и Гонты, такъ какъ и предъ коліевщиной происходило такое же религіозное движеніе. Волынская, Подольская и Украинская шляхта въ предупрежденіе бѣды для себя сочла нужнымъ навести страхъ на русскій народъ: начались аресты, пытки и казни мнимыхъ возмутителей.

На сеймовомъ засѣданіи 5 апрѣля происходило чтеніе извѣстій изъ Волыни о тамошнихъ мнимыхъ волненіяхъ, возбужденныхъ будто бы попами и московскими купцами. Нѣмцевичъ и Сапѣга потребовали, чтобы Россія вывела свои войска изъ Польши, что не должно пропускать русскихъ войскъ черезъ Польшу въ Турцію, что надобно объявить войну Россіи и выслать Штакельберга и наконецъ слѣдуетъ обратиться съ просьбою о помощи въ этомъ дѣлѣ къ прусскому королю—другу и под-

порѣ республики. Черезъ недѣлю послѣ этого Сапѣга съ Виленскимъ палатиномъ Радзивиломъ обвинили православнаго епископа Виктора Садковскаго въ томъ, что онъ волнуетъ крестьянъ въ Слуцкой области. Сеймъ постановилъ арестовать православнаго епископа, котораго привезли въ Варшаву и посадили въ пороховомъ складѣ. Нарядили депутацію для разслѣдованія дѣла объ обвиненіи его въ бунтѣ и потребовали, чтобы со всего православнаго духовенства взята была присяга на вѣрность республикѣ.

Такой образъ дѣйствій поляковъ, казалось, клонился къ тому, чтобы раздражить Русскую Императрицу и вызвать ее на рѣзкія заявленія. Императрица, напротивъ, обнаружила полное хладнокровіе и уступчивость. Своему послу Штакельбергу она предписывала: „спокойно смотрѣть на неистовства поляковъ, въ собственный ихъ вредъ обратиться могущія, нежели ускорять ихъ дальнія безпокойства". Штакельбергъ 4 іюня подалъ сейму ноту, гдѣ извѣщалъ, что, сообразно желанію Рѣчи-Посполитой, Императрица приказала своему фельдмаршалу распорядиться о перевозѣ своихъ магазиновъ на лѣвый берегъ Днѣпра, а впередъ доставка провіанта и военныхъ принадлежностей къ войску, воюющему въ Турціи, будетъ происходить иными путями, минуя территоріи Рѣчи-Посполитой.

Между тѣмъ слѣдственная коммиссія по дѣлу епископа Виктора Садковскаго окончила свои занятія и 15 марта 1790 года прочитанъ былъ докладъ сейму. „Съ тѣхъ поръ, говорилось въ этомъ докладѣ, какъ Кіевъ перестaлъ принадлежать республикѣ и греки-неуніаты вышли изъ подъ власти Константинопольскаго престола, Россія стала для нихъ вторымъ отечествомъ. Ихъ воспитаніе, ихъ священники, ихъ зависимость отъ новой метрополіи—все съ дѣтства привязало ихъ къ Россіи. Будучи подданными республики по мѣсту жительства, они тянули къ чужому государству по отношеніямъ нравственнымъ, которыя сильнѣе политическихъ. На области, въ которыхъ они обитали, можно было смотрѣть, какъ на провинціи Россіи". Сеймъ не имѣлъ никакой возможности обвинить епископа Виктора за то, что онъ повиновался своему начальству—Кіевскому митрополиту и Святѣйшему Синоду, принималъ отъ нихъ приказанія, исполнялъ ихъ и доносилъ объ ихъ исполненіи. Чувствуя свое безсиліе

въ этомъ дѣлѣ, сеймъ задумалъ уничтожить зависимость православнаго русскаго населенія въ Польшѣ въ церковныхъ дѣлахъ отъ Россіи и опереться въ случаѣ войны съ Россіей на прусскій союзъ. Король Станиславъ-Августъ не въ силахъ былъ болѣе противодѣйствовать сейму и согласился на то и другое.

29 го марта 1790 года заключенъ былъ оборонительный союзъ между Пруссіею и Польшею: союзные державы обязались подавать другъ другу помощь войсками; они гарантировали владѣнія другъ друга и отказались отъ всякихъ притязаній. Относительно православнаго русскаго населенія въ Польшѣ сеймъ опредѣлилъ, чтобы польскій министръ въ Константинополѣ вошелъ въ сношеніе съ тамошнимъ патріархомъ на счетъ будущаго церковнаго управленія грековъ-неунитовъ.

Когда Константинопольскій патріархъ отклонилъ предложеніе польскаго правительства взять опять православную церковь въ Польшѣ въ свое завѣдываніе, то сеймъ задумалъ возобновить дѣло Витовта, учредить въ самой Польшѣ консисторію или сунодъ для православныхъ и имѣть независимою православнаго митрополита (23).

Россія, занятая въ это время войною съ Турціею, не имѣла возможности приступать къ чему нибудь рѣшительному въ отношеніи Польши. Императрица предвидѣла, что французскія дѣла произведутъ перемѣну въ политикѣ Пруссіи, а поляки послѣ ломки старыхъ учрежденій и введеній предполагавшейся конституціи сами обратятся за помощью къ Россіи, призывая ее спасать уничтоженную свободу дворянства; и дѣйствительно, не далѣе, какъ въ слѣдующемъ 1791 году она, по зову націи польской, должна была обратить вниманіе на дѣла въ Польшѣ и свести съ нею старые счеты по историческому вопросу о южно-русскихъ земляхъ.

Преобразователи въ Польшѣ съ королемъ во главѣ ожидали войны Пруссіи и Англіи съ Россіею, въ которой хотѣли принять дѣятельное участіе и между тѣмъ безпрепятственно провести реформы. Но къ этому времени Англо-Прусская коалиція противъ Россіи растроилась. Надежды преобразователей не сбылись и они рѣшили не медлить болѣе, а тай-

---

(23) „Исторія паденія Польши“ С. М. Соловьева. 250.

комъ и неожиданно провести на сеймѣ новую конституцію и объявить ее 3 мая, во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, когда членовъ оппозиціи, разъѣхавшихся по домамъ на праздникъ Пасхи, еще не было въ Варшавѣ: на этомъ сеймѣ присутствовало не болѣе 157 членовъ, отсутствовало 327. Изъ присутствовавшихъ на сеймѣ нѣкоторые оказались поборниками старой воли и заявляли протестъ; но на ихъ рѣчи не обратили вниманія. По прочтеніи проэкта новой конституціи, король объявилъ, что всякій, кто любитъ отечество, долженъ быть за проэктъ. Крики „да здравствуетъ новая конституція!“ заглушили голоса протестующихъ. Засѣданіе окончилось; король съ большинствомъ членовъ направляются къ выходу изъ залы, чтобы въ костелѣ св. Яна принять присягу на вѣрность новой конституціи. Тутъ познаньскій депутатъ Мелжинскій, противникъ реформы, падаетъ на земь передъ дверьми, чтобы воспрепятствовать выходу—черезъ него шагаютъ, топчутъ его и спѣшатъ за королемъ. Въ сеймовой залѣ осталось около 50 членовъ, рѣшившихся подать протестъ противъ принятія новой конституціи.

Пока Варшава праздновала свою революцію, именуемую конституціей, политика при европейскихъ дворахъ Пруссіи и Австріи измѣнилась не въ пользу Польши. Дальнѣйшія событія доказали, что поляки увлеклись обманчивымъ союзомъ съ Пруссіею и поспѣшили отвернуться и оскорбить Россію. Угрожающее дѣйствіе французской революціи сблизило Пруссію съ Австріей и Россіей: на дѣла въ Польшѣ теперь стали смотрѣть, какъ на отраженіе событій, совершавшихся во Франціи.

Новорожденная варшавская конституція не обѣщала быть крѣпкою и долговѣчною. Въ неподдѣльномъ восторгѣ отъ нея были только богатые варшавскіе мѣщане, такъ какъ имъ открывалась дорога къ шляхетству; въ провинціяхъ большинство отнеслось враждебно или равнодушно къ этой реформѣ; а представители консервативной партіи работали надъ тѣмъ, чтобы поскорѣе уничтожить ее; они покинули свою страну, чтобы оповѣстить иностранные дворы объ униженіи свободы своего отечества. Особенно Потоцкій и Ржевусскій съ большою энергіей и настойчивостію принялись вести борьбу съ новымъ правительствомъ въ Польшѣ. Они разослали письма по всѣмъ провинціямъ, обѣщая помочь націи возвратить ея старыя права и вольности. Ржевусскій прислалъ королю и

совѣту министровъ формальный протестъ противъ конституціи 3 мая. Въ Варшавѣ отняли у нихъ должности и объявили ихъ врагами отечества. Потоцкій и Ржевусскій хладнокровно приняли такое рѣшеніе сейма и остались твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ. Разрывъ произошелъ окончательный. А между тѣмъ съ юга приходили неутѣшительныя для короля и сейма извѣстія о томъ, что мирные переговоры оскорбленной ими Россіи съ Турціею приближаются къ концу. Стали исправлять свое пренебрежительное и кичливое поведеніе къ Россіи: въ декабрѣ 1791 года отправили въ Петербургъ, въ очень учтивыхъ выраженіяхъ, увѣдомлѣніе о конституціи 3 мая, какое увѣдомленіе другимъ державамъ было послано давно. Отвѣтомъ со стороны Русскаго правительства было извѣщеніе о мирѣ Россіи съ Турціею. 29 декабря была послѣдняя Ясская конференція, уполномоченные обѣихъ сторонъ подписали мирный трактатъ и приложили къ нему свои печати, вскорѣ послѣ этого въ Варшаву пришла грозная вѣсть о мирѣ.

Миръ въ Яссахъ вполнѣ развязалъ руки Императрицѣ Екатеринѣ II и далъ ей возможность возстановить политическое достоинство Россіи. Теперь она снова могла распоряжаться и руководить дѣлами цѣлой Европы съ прежнимъ авторитетомъ, на который давали ей право собственный ея геній, слава и могущество Россіи. Если бы она и не хотѣла придавать значенія всѣмъ неистовствамъ въ словахъ и дѣлахъ, причиненныхъ ей и ея подданнымъ высокомѣрными поляками въ послѣдніе четыре года, то все таки она никакъ не могла допустить, чтобы всѣ гарантированныя ею учрежденія были уничтожены, чтобы русское православное населеніе въ Польшѣ было угнетаемо и преслѣдуемо, словомъ, чтобы вліяніе Россіи въ Польшѣ, существовавшее со времени Петра Великаго, при ней, продолжательницѣ его дѣйствій, было совершенно устранено. Она рѣшила дѣйствовать въ Польшѣ прежнимъ путемъ, т. е. поддерживать контръ-конфедерацію, которая организовалась самими же поляками.

Феликсъ Потоцкій и Ржевусскій пріѣхали въ Петербургъ, просили о помощи и предлагали планъ дѣйствій. Императрица и ожидала того времени, когда сами поляки потребуютъ помощи для возстановленія конституціи, гарантированной Россіей. Теперь это время пришло. 9 марта

отправлено было приказаніе Булгакову выйти изъ прежняго недѣятельнаго положенія и обѣщать приверженцамъ старины помощь Россіи. 7 мая Булгаковъ подалъ польскому правительству декларацію Императрицы. Главныя мысли этой декларацiи таковы: Императрица прежде всего указывала на то, что честолюбцы, недовольные настоящимъ своимъ положеніемъ, представили русскую гарантію какъ тяжкое и постыдное иго, тогда какъ величайшія государства, между прочимъ Германія, ищутъ подобныхъ гарантій, какъ самаго крѣпкаго основанія для своихъ владѣній и независимости. Затѣмъ исчислялись оскорбленія, нанесенныя Россіи виновниками переворота: настояли, чтобы русскія войска и магазины были удалены изъ польскихъ владѣній; подданные Императрицы находившіеся въ Польшѣ по дѣламъ торговымъ, были злостно обвинены въ возбужденіи мѣстныхъ жителей къ бунту и, подъ этимъ предлогомъ, схвачены и брошены въ тюрьмы; жители православнаго греческаго исповѣданія подверглись преслѣдованію; епископъ Переяславскій, подданный Императрицы, не смотря на свой санъ и чистоту нравовъ, былъ схваченъ и отвезенъ въ Варшаву, гдѣ и теперь находится въ тяжкомъ заключеніи; отправили чрезвычайное посольство въ Турцію, находившуюся въ открытой войнѣ съ Россіею, чтобъ предложить ей союзъ противъ Россіи; въ сеймовыхъ рѣчахъ не сохранено надлежащаго уваженія къ особѣ Императрицы. Эти оскорбленія, не считая опущенныхъ для краткости, могутъ вполнѣ оправдать предъ Богомъ и государствами самое сильное возмездіе. Но Императрица ставитъ различіе между партіею и націею. Она готова забыть неистовства противъ нея лично, но ей невозможно отказать настоятельнымъ просьбамъ многихъ поляковъ, отличныхъ по происхожденію, сану и патріотическимъ доблестямъ, о возстановленіи прежней свободы и независимости ихъ отечества. Для этой цѣли они образовали конфедерацію и просили Императрицу о покровительствѣ и помощи, которыя Государыня имъ и обѣщала и приказала части своихъ войскъ вступить въ Польшу „для содѣйствія въ возстановленіи старинныхъ польскихъ правъ и вольностей".

Эта декларація произвела сильное волненіе въ Польшѣ. Вожди революціонной партіи обратились за обѣщанною помощію къ Пруссіи; король прусскій прислалъ отвѣтную ноту, въ которой объявлялъ,

„что они, безъ его вѣдома и согласія, дали себѣ конституцію, поддерживать и защищать которую ему никогда не приходило на умъ; напротивъ, онъ часто предсказывалъ, что они угрожающими мѣрами и вооруженіями навлекутъ на свою страну именно тѣ дѣйствія, которыхъ хотѣли избѣжать“.... Этимъ уничтожена была всякая надежда на прусскую помощь. Они обратились къ Вѣнскому двору и получили почти такой же отвѣтъ. Польша предоставлена была самой себѣ.

Между тѣмъ вступленіе русскихъ войскъ уже началось и подъ ихъ защитою въ украинскомъ мѣстечкѣ Тарговицѣ открылась конфедерація, выставившая своимъ знаменемъ возвращеніе прежнихъ правъ и вольностей; во главѣ этой конфедераціи стали польскіе вельможи. Они обнародовали свой конфедераціонный актъ. Двѣнадцать знатныхъ поляковъ министровъ, сенаторовъ или земскихъ пословъ подписали его. Въ Литвѣ тоже образовалась конфедерація, подобная Тарговицкой. Въ послѣдствіи обѣ онѣ соединились въ одну въ Брестѣ Литовскомъ. Но такъ какъ въ незначительномъ Брестѣ не было достаточнаго помѣщенія и положеніе города среди болотъ было не здорово, то конфедераты перенесли свои засѣданія въ Гродно, гдѣ съ этихъ поръ и было средоточіе правленія.

Императрица Екатерина, слѣдуя правилу, что для большаго предпріятія потребны и большія средства, двинула массу войска въ Польшу. Большая часть этихъ войскъ, около 65-ти тысячъ, только что возвратившихся изъ похода противъ турокъ, должна была, подъ начальствомъ Коховскаго наступать съ юга противъ расположенныхъ тамъ польскихъ главныхъ силъ; между тѣмъ какъ меньшая часть (32 т.), подъ начальствомъ генерала Кречетникова, должна была съ сѣвера и востока двинуться черезъ литовскія области, въ которыхъ со стороны поляковъ почти ничего не было приготовлено для серьезной защиты. Польская армія едва достигала 45 т., разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ: изъ нихъ почти половина (20 т.) расположилась въ Подоліи и Украйнѣ.

Весной 1792 года (апрѣля 2) велѣно было Кречетникову „принять въ команду собирающихся въ Бѣлоруссіи, назначенныхъ ко вступленію въ Великое княжество Литовское, корпусовъ, изъ коихъ главный при Полоцкѣ, второй при Динабургѣ, третій при Толочиной и четвертый при Рогачевѣ“. Поручивъ управленіе трехъ малороссійскихъ губерній тамош-

нимъ губернаторамъ, Михаилъ Никитичъ 17 апрѣля отправился изъ Кіева въ Полоцкъ. Извѣстіемъ объ этомъ выѣздѣ онъ начинаетъ свои „Дневныя записки о движеніи и дѣйствіяхъ Руссійскихъ войскъ въ Литвѣ и Польшѣ 1792 года“, которыя онъ велъ до отъѣзда своего изъ Литвы въ Петербургъ (24). Изъ этихъ „Записокъ“ видно, что М. Н. Кречетниковъ, имѣя въ своей арміи даровитыхъ и впослѣдствіи прославившихся начальниковъ—Ферзена, Германа, Денисова, Буксгевдена, Беннигсена и Барклая де Толи, съ большимъ успѣхомъ и въ короткое время (въ два съ небольшимъ мѣсяца) занялъ и прошелъ Бѣлоруссію. Отряды арміи Кречетникова съ войскомъ Коссаковскаго вступилъ 31 мая 1792 г. въ Вильну безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны жителей. Коссаковскій принялъ дѣятельныя мѣры для привлеченія этой столицы Литвы безъ всякаго насилія къ новой конфедераціи. Было объявлено, что всякому дается полная свобода, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій для него, удалиться изъ города или оставаться въ немъ, приступить къ новой конфедераціи или нѣтъ. Когда болѣе тысячи человѣкъ явились для подписанія акта, то 14 іюня была торжественно провозглашена литовская генеральная конфедерація.

Этимъ первая цѣль похода Кречетникова была достигнута; другая состояла въ уничтоженіи противниковъ или въ изгнаніи ихъ изъ Литвы. Длинная оборонительная линія поляковъ вскорѣ была прорвана войсками Кречетникова и Коховскаго. Послѣ рѣшительнаго пораженія подъ Дубенкой, противники просили Коховскаго о прекращеніи военныхъ дѣйствій, ссылаясь, впрочемъ, на то, что они получили извѣстіе отъ короля о его присоединеніи къ Тарговицкой конфедераціи. Это пріостановило движеніе нашихъ войскъ къ столицѣ. Съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій смѣнились и предводители: Коховской былъ отозванъ въ концѣ 1792 г. Армія же его въ Польшѣ была раздѣлена на двѣ части: одна поручена генералу барону О. А. Игельстрому, занявшему Варшаву, а другая М. Н. Кречетникову, которому, какъ показываютъ его „Дневныя записки“, велѣно двинуться съ войсками своими обратно за

---

(24) „Записки“ М. Н. Кречетникова напечатаны въ „Чтен. Общ. Истор. и Древ. Рос.“ 1863 г. т. 4-й.

Бугъ въ Бѣлоруссію. На основаніи Высочайшаго приказа онъ распредѣлилъ войска по подольской границѣ со стороны княжества литовскаго. 4 сентября онъ получилъ предписаніе явиться въ Петербургъ, куда отправился 7 числа для полученія особыхъ инструкцій по дѣлу о возвращеніи юго-западныхъ земель къ Россіи.

Мы видѣли, что тарговицкіе кондефераты одержали съ помощію Россіи полное торжество. Но гибель Польши произошла не отъ Тарговицкой конфедераціи и не отъ Россіи: сокрушающая молнія сверкнула изъ такого мѣста, откуда ее не ожидали—изъ Майнца. Доселѣ не было еще произнесено ни слова о раздѣлѣ, теперь его произнесла впервые и серьезно Пруссія. 19 іюля 1792 года въ Майнцѣ произошло свиданіе между Фридрихомъ-Вильгельмомъ и Францемъ II; здѣсь подтвержденъ былъ договоръ настойчиваго продолженія войны съ Французскою революціею и высказаны были обоюдныя желанія на вознагражденіе за потери и издержки. Австрія желала обмѣнять свои Нидерланды на Баварію, а Пруссія для лучшаго округленія своихъ владѣній и болѣе соразмѣрнаго вознагражденія за принятыя ею на себя издержки и пожертвованія выступила съ притязаніемъ на столь давно желанные, столь часто ей отказанные Данцигъ и Торнъ съ нѣкоторыми воеводствами Великой Польши въ придачу. Оба двора, одинъ за другимъ, представили Екатеринѣ II-ой условленный между ними планъ, приглашая и ее присоединить къ себѣ отъ Польши часть по своему желанію и соразмѣрно ихъ обоюднымъ пріобрѣтеніемъ. Императрица не дала на это предложеніе опредѣленнаго отвѣта, хотя и не отказала прямо, не желая своимъ отказомъ отклонять Пруссію и Австрію отъ предпринятой ими борьбы противъ революціонной Франціи. 25 октября Пруссія снова объявила Австріи, что король Фридрихъ—Вильгелмъ будетъ продолжать войну съ Франціей только подъ условіемъ, чтобы вознагражденіе польскими землями было ему обезпечено Россіею и Австріею и чтобы онъ могъ дѣйствительно вступить во владѣніе этими землями. А между тѣмъ Булгаковъ изъ Варшавы доносилъ Императрицѣ, что волненіе въ Польшѣ становится день ото дня сильнѣе и ширится въ двухъ мятежахъ, что среди поляковъ распространяется слухъ, что французскія войска прибудутъ въ Польшу и это будетъ сигналомъ всеобщаго бунта и возмущенія крестьянъ.

Эти извѣстія, а также несогласіе прусскаго короля вести войну съ Франціею безъ вознагражденія на счетъ Польши, наконецъ и невозможность успокоить Польшу ея собственными средствами, ибо главы конфедераціи, взявши въ свои руки правленіе, оказались совершенно къ нему неспособными, думали только о своихъ личныхъ выгодахъ, спѣшили воспользоваться своимъ торжествомъ, чтобы обогатиться, и ссорились другъ съ другомъ,—все это заставило Екатерину немедленно же войти въ виды Пруссіи относительно втораго раздѣла, на который, послѣ замысловъ польскихъ реформаторовъ относительно русскаго православнаго народонаселенія, смотрѣли уже не какъ на раздѣлъ Польши, но какъ на соединеніе раздробленной Россіи.

М. Н. Кречетниковъ, пожалованный въ Петербургѣ орденомъ св. Андрея Первозваннаго и снабженный рескриптомъ отъ 8 декабря 1792 г. одновременно съ Я. Е. Сиверсомъ, назначеннымъ посломъ вмѣсто Булгакова, въ началѣ января прибылъ въ Польшу. 17 февраля 1793 года произошелъ размѣнъ ратификацій между дворами Петербургскимъ и Берлинскимъ по январскому договору о раздѣлѣ Польши. Недѣли двѣ спустя Сиверсъ получилъ изъ Петербурга копію съ этаго договора и декларацію, которую онъ 29 марта долженъ былъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, прусскимъ посломъ Бухгольцемъ представить польскому правительству. Согласіе же поляковъ на гродненскомъ сеймѣ и подпись договора объ уступкѣ провинцій Россіи послѣдовали 11 іюля. Этому предшествовало дѣйствительное занятіе областей, присоединенныхъ къ Россіи. Послѣднее было поручено Кречетникову, которому предписано окончить занятіе къ 27 марта и въ этотъ день обнародовать манифестъ къ жителямъ вновь присоединенныхъ областей, приглашая ихъ принести присягу на вѣрность Императрицѣ. Подобный-же манифестъ и въ тотъ же день былъ обнародованъ въ провинціяхъ, отходившихъ къ Пруссіи. Подробности обнародованія манифеста Кречетниковымъ помѣщены въ его „Журналѣ“ который составляетъ продолженіе „Записокъ“ его за 1792 г., прерванныхъ отъѣздомъ Михаила Никитича въ Петербургъ. Въ этомъ „Журналѣ“ (25) Кречетникова, сообщается слѣдующее (дѣлаемъ точную выписку):

(25) Журналъ этотъ, сохранившійся по выпискѣ П. П. Бекетова († 1836 г.), напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ 1880 г., кн. 3-я.

„На основаніи Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества повелѣній (26) даны отъ меня командующимъ частями войска генераламъ предводительныя предписанія (27), какимъ образомъ должно произведено быть обнародованіе манифеста (28) о присоединеніи отъ Рѣчи Посполитой Польской къ Имперіи Россійской областей. Исполненіе сего повсемѣстно назначено 27 марта (7 апрѣля) въ 10 часовъ утра. Поелику въ воеводствахъ Подольскомъ, Брацлавскомъ и въ части Кіевскаго расположены польскія бригады подъ командою генералъ-поручиковъ князя Любомирскаго и Любовицкаго, то приготовлены и къ нимъ особыя письма, которыя, съ приложеніемъ по экземпляру манифеста, чрезъ нарочныхъ и доставлены имъ въ самый день объявленія манифеста".

„27 марта. При главной моей квартирѣ Лабуни, по утру, построеннымъ эскадрономъ кирасирскаго полку князя Потемкина ознаменовано торжество сегодня играніемъ на трубахъ и литаврахъ; въ десять часовъ утра въ костелѣ, при отраженномъ къ тому артиллеріи генералъ-маіорѣ Бражниковѣ, а въ четырехъ прочихъ церквахъ при штабъ-офицерахъ, читанъ народу манифестъ о присоединеніи сего края подъ Россійскую Державу, и потомъ публикованъ оный на двухъ площадяхъ многолюдному народу, собравшемуся на оныхъ, а затѣмъ обвѣщено здѣшнему римскому и уніатскому духовенству, чтобъ заутра собрались въ церквахъ для учиненія присяги. Сообразно сему; на основаніи даннаго отъ меня предписанія, произведено обнародованіе манифеста всѣми частными бригадными, полковыми и прочихъ малыхъ командъ начальниками въ мѣстахъ ихъ расположенія, такъ что по всему пространству присоединенныхъ областей въ одинъ день и часъ оное исполнено было. Того же числа по утру во всѣхъ окрестностяхъ здѣшнихъ находящимся Поль-

---

(26) Рескриптъ Императрицы Екатерины II-ой на имя генерала Кречетникова, данный въ С.-Петерб. дек. 8 дня 1792 г., напечатанный въ сборникѣ „матеріаловъ для исторіи Подольской губ.", вып. I-й 1885 г.

(27) Ibid. стран. 32—37. Ордеръ Кречетникова генералъ-поручику Дерфельдену, командовавшему войсками въ Брацлавщинѣ отъ 11 марта 1793 года.

(28) Манифестъ этотъ напечатанъ въ Полномъ Собраніи Зак. т. IXXII подъ № 17 108 и перепечатанъ въ Русскомъ Архивѣ 1863 года стр. 819.

скимъ сенаторамъ и прочему именитому шляхетству съ нарочными разосланы экземпляры манифеста, а равно къ бискупамъ и прочимъ духовнымъ официаламъ при моихъ письмахъ, въ которыхъ изъяснилъ имъ желаніе мое, чтобъ, поспѣшнымъ учиненіемъ присяги, подали собою и другимъ въ томъ примѣръ".

„28 числа. При главной квартирѣ, въ костелѣ, въ присутствіи моемъ, а въ прочихъ церквахъ при опредѣленныхъ отъ меня, духовенство здѣшнее учинило торжественную присягу на вѣрность и подданнство Ея Императорскому Величеству, и при семъ случаѣ провинціалъ кармалитовъ говорилъ пристойную рѣчь, относящуюся къ славѣ и величію безсмертныхъ дѣлъ Всеавгустѣйшей Императрицы; потомъ совершено Всевышнему моленіе о здравіи Императорскаго Дома съ пушечною пальбою; послѣ того владѣлецъ мѣстечка Лабуни генералъ-маіоръ Стемпковскій, съ собравшимся ко мнѣ шляхетствомъ, учинилъ присягу".

„28 и 29 числа получены отъ частныхъ командировъ донесенія: 1) отъ генералъ-поручика Дерфельдена, что въ мѣстечкѣ Летичевѣ, гдѣ существуетъ донынѣ конфедерація и земское правленіе воеводства Подольскаго, по объявленіи 27 числа вышеозначеннымъ образомъ манифеста, на основаніи предписанія отъ меня ему даннаго, того же дня записанъ онъ въ томъ правленіи актомъ въ книгу, и экземпляры разосланы по всему воеводству, не изъемля и Каменца-Подольска. А поелику отнынѣ правленіе конфедераціи въ присоединенныхъ областяхъ уничтожается, для того и приказано избрать земскихъ судей, которые-бы вступили въ отправленіе должности ихъ по прежнимъ польскимъ правиламъ, до конституціи 3 мая существовавшимъ, но подъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества именемъ. 28 числа, въ присутствіи его, учили присягу сперва духовенство римскаго исповѣданія съ ихъ пріоромъ въ кляшторѣ Доминиканскомъ, а греческаго въ соборной тамошней церкви; потомъ шляхетство и наконецъ мѣщанство. Евреи же въ ихъ синагогахъ по ихъ обряду присягали при опредѣленныхъ къ тому офицерахъ, и всѣ вообще утвердили свою присягу подписками; при семъ представилъ полученные имъ рапорты отъ бригадныхъ генералъ-маіоровъ: Маркова изъ мѣстечка Деражни и Берхмана изъ города Бреслава, которыми доносятъ, что помянутыхъ мѣстахъ и во всѣхъ окресностяхъ тамошнихъ

подобное исполненіе единовременно учинено и что духовенство и дворянство, въ тѣхъ мѣстахъ находящіеся, съ усерднымъ расположеніемъ и радостію на подданство Ея Величеству присягнули. 2) Отъ генералъ-поручика Леванидова, что въ мѣстечкѣ Лиховцахъ, по объявленіи манифеста въ присутствіи его, духовенство и дворянство учинили присягу; въ числѣ дворянства бригадиръ Россійской службы графъ Шембекъ, первый учиня присягу, подалъ собою примѣръ другимъ къ ревностному въ томъ послѣдованію; сверхъ того генералъ-поручикъ Леванидовъ доноситъ, что и отъ бригадныхъ командировъ, генералъ-маіора графа Разумовскаго и бригадира Новикова, получилъ онъ рапорты о подобномъ исполненіи во всѣхъ мѣстахъ, его частію занимаемыхъ. 3) Отъ командующаго резервомъ генералъ-маіора Загряжскаго изъ мѣстечка Погребища, что 28 числа, кромѣ духовенства, графъ Ржевусскій и прочіе именитые дворяне, по близости жительствующіе, учинили также присягу. 4) Отъ генералъ-маіора Шереметева, нарочно отряженнаго въ городъ Житоміръ, гдѣ состояли конфедераціи и земское правленіе воеводства Кіевскаго, что 27 числа манифестъ, по объявленіи записанъ въ ономъ правленіи въ книгѣ, а 28-все духовенство подъ руководствомъ офиціи Алакіевской епархіи бискупа Подлусскаго и собравшееся туда съ воеводою Кіевскимъ графомъ Потоцкимъ дворянство, болѣе ста человѣкъ, торжественную учинили присягу, въ чемъ первый подалъ собою примѣръ воевода Кіевскій, оказавши при семъ случаѣ отличную его ревность къ исполненію Высочайшихъ повелѣній; послѣ того, магистратъ съ мѣщанствомъ въ церкви, а кагалъ еврейскій въ своихъ синагогахъ присягнули. 5) Отъ дежурнаго генералъ-маіора Гудовича, возвратившагося 29 числа изъ мѣстечка Винницы, гдѣ находится земское правленіе воеводства Брацлавскаго, что въ помянутомъ мѣстечкѣ въ присутствіи воеводы Брацлавскаго Грохольскаго манифестъ, въ самый день объявленія, записанъ актомъ въ книгѣ и разосланъ въ подлежащія оному правленію мѣста; а на другой день учинили присягу духовенство и воевода Брацлавскій Грохольскій, который былъ примѣромъ собравшемуся туда съ нимъ дворянству, съ ревностнымъ усердіемъ ему послѣдовавшему. Затѣмъ воевода Грохольскій озаботилъ себя избраніемъ земскихъ судей и, по назначеніи кандидатовъ, прибудетъ самъ ко мнѣ и представитъ ихъ спи-

сокъ, что потомъ имъ и исполнено. Во всѣхъ вышесказанныхъ мѣстахъ, по учиненіи присяги, совершено торжественное моленіе о Высочайшемъ здравіи Императорскаго Дома съ пушечною пальбою; и сіе во всѣхъ четырехъ воеводствахъ, по благости Всевышняго, окончилось съ совершенною тишиною и спокойствіемъ между обывателями всякаго состоянія, отъ коихъ не только ни малѣйшаго упорства или негодованія нигдѣ не замѣчено, но напротивъ, изъявили они въ тотъ день повсемѣстно свою радость и удовольствіе празднествомъ, иллюминаціями и прочими знаками".

„29 дня, два передовые отряда, команды генералъ-поручика Дерфельдена, вступили въ сближеніе къ Каменцу-Подольскому; а самъ онъ, по распоряженіи всего, пошелъ съ послѣдними войсками 30 числа, будучи снабженъ отъ меня нужными, на всякій случай, наставленіями".

„30 числа получено отъ генералъ-поручика Леванидова, что два эскадрона легкой кавалеріи Польской, находившіеся въ мѣстахъ, его частію занимаемыхъ, исключая двухъ офицеровъ и малаго числа нижнихъ служителей, по желанію отпущенныхъ за новую границу, учинили на подданство присягу. Изъ сихъ, офицеры, пожелавшіе быть въ службѣ Россійской, подтвержденные въ настоящихъ чинахъ такъ, какъ и нижнихъ служителей большая часть осталась въ службѣ-жъ; а прочіе, по желанію ихъ, отпущены въ домы ихъ, въ присоединенныхъ областяхъ состоящіе".

„Апрѣля 4 числа полученъ рапортъ отъ генералъ-маіора Кноринга отъ 28 марта, что въ Несвижѣ и въ окрестностяхъ объявленіе манифеста произведено съ желаемымъ успѣхомъ и спокойствіемъ между обывателями, которые о присоединеніи ихъ подъ Россійскую Державу изъявляютъ особенную радость и удовольствіе, при семъ доносилъ, что отъ бригадныхъ и полковыхъ командировъ, по причинѣ великаго разстоянія занимаемыхъ имъ мѣстъ, не получалъ онъ еще подробныхъ о томъ рапортовъ, а по собраніи оныхъ пришлетъ уже обстоятельное о всѣхъ донесеніе. Между тѣмъ получено и отъ командующаго польскими войсками, въ воеводствѣ Брацлавскомъ находящимися, генералъ-поручика Любовецкаго увѣдомленіе, что самъ онъ, состоящіе подъ его командою чины и всѣ войска готовы поступить въ подданство Ея Величеству и что для учиненія присяги пріѣдетъ ко мнѣ съ бригадными и полковыми

командирами. Сверхъ того получены рапорты: первый отъ генералъ-поручика Дерфельдена, что онъ съ войсками его команды приблизился уже Каменцу-Подольскому и занявъ ближнія къ крѣпости селенія, учредилъ изъ конницы надежные посты, для прерванія у города всякой коммуникаціи и что находившіеся на пути слѣдовавшаго особо съ отрядомъ генералъ-маіора графа Разумовскаго два эскадрона польской конницы учинили также присягу; онъ же доноситъ, что къ находящемуся въ мѣстечкѣ Барѣ, съ 14 пѣхотнымъ полкомъ и 4 орудіями, полковнику Ланцкоронскому посланъ былъ отъ него чрезъ нарочнаго офицера манифестъ при письмѣ, которымъ требовалъ повиновенія Высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ; но какъ помянутый полковникъ, не объявя своему полку манифеста, осмѣлился отвѣчать ему, что безъ повелѣнія отъ своей команды рѣшиться на сіе не можетъ, то и приказано полковникамъ Зассу съ Кіевскимъ конно-егерскимъ и Коновницыну съ Старооскольскимъ пѣхотнымъ полками приблизиться къ помянутому мѣстечку и, въ случаѣ продолженія отъ Ланцкоронскаго упорства, заставить его покориться: вслѣдствіе сего, коль скоро два эскадрома перваго полка вошли въ мѣстечко, а потомъ и оба полка, то весь оный полкъ безъ малѣйшаго противоборства и безъ единаго выстрѣла положилъ оружіе и приступилъ къ присягѣ на подданство. Посему предписалъ я генералъ-поручику Дерфельдену, чтобы полковника Ланцкоронскаго съ офицерами, оказавшихъ упорство и не по доброй волѣ, а по принужденію уже покорившихся, и потому яко нестоющихъ быть принятыми въ Россійскую службу, выпровадить за новую границу; полкъ же тотъ весь, со всѣмъ къ нему принадлежащимъ, прислалъ бы ко мнѣ для распредѣленія по другимъ полкамъ. Второй отъ слѣдующаго съ отрадомъ къ Могилеву—Днѣпровскому генералъ-маіора Берхмана, что по прибытіи его въ мѣстечко Тулучинъ (Тульчинъ?), нашелъ тамо небольшую изъ ихъ чиновъ польскую команду, оставшееся по выходѣ польскихъ войскъ разнаго званія оружіе, также нѣкоторое количество аммуничныхъ вещей и пушекъ разнаго калибра 21 и одну 20 фунтовую гаубицу и что, по содержанію даннаго ему отъ меня предписанія, помянутую команду, по желанію ихъ, отпустилъ съ паспортами въ домы, состоящіе въ присоединенныхъ областяхъ, а пушки, оружейныя и аммуничныя вещи оставилъ

въ Тулчинѣ въ удобномъ мѣстѣ подъ присмотромъ опредѣленной отъ него команды".

„6 числа генералъ-поручикъ Любовецкій съ генералъ-маіоромъ Белевейскимъ, съ бригадными и полковыми командирами, съ нѣкоторымъ числомъ штабъ и оберъ-офицеровъ ко мнѣ прибыли, а 7 числа учинили торжественную присягу. Войско оставлено по прежнему въ командѣ генералъ-поручика Любовецкаго подъ названіемъ Украинской дивизіи".

Этимъ сообщеніемъ и оканчивается выписка изъ журнала М. Н. Кречетникова, отрывочность которой можетъ быть восполнена свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. Извѣстно, что 29 марта М. Н. Кречетниковъ донесъ Императрицѣ объ обнародованіи „манифеста, силою котораго присоединены на вѣчныя времена отъ Рѣчи Посполитой польской въ Имперіи Россійской области, издревле къ ней принадлежавшія". Въ „Дневникѣ Храповецкаго подъ 9 апрѣля помѣчено: „курьеръ (прибылъ) отъ Кречетникова съ извѣстіемъ о занятіи земель, отъ Польши нынѣ пріобрѣтенныхъ, и что всѣ охотно присягаютъ" (29). Вслѣдъ за донесеніемъ Кречетникова Императрица Екатерина написала указъ Сенату отъ 13 апрѣля 1793 г., въ которомъ Кречетниковъ назначался генералъ-губернаторомъ присоединенныхъ отъ Польши областей, и указъ Св. Синоду, помѣченный тѣмъ же числомъ, объ открытіи православной епархіи въ этихъ областяхъ. Копіи съ этихъ указовъ вмѣстѣ съ рескриптомъ Императрицы, подписаннымъ 18 апрѣля 1793 года, препровождены были къ Кречетникову. Въ рескриптѣ Императрица благодаритъ Кречетникова за точное исполненіе инструкціи и объявляетъ новымъ подданнымъ облегченіе: освобождаетъ ихъ на 20 мѣсяцевъ отъ взысканія окладныхъ въ казну доходовъ до 1795 года. Между тѣмъ обнародованіе манифеста, приведеніе къ присягѣ и отмежеваніе земель продолжалось и закончилось сдачею крѣпости Каменца-Подольскаго, которая послѣдовала 21 апрѣля. Объ этомъ событіи М. Н. Кречетниковъ отъ 24 апрѣля 1793 г. изъ мѣстечка Лабуни писалъ къ А. В. Суворову слѣдующее: „Покореніе Каменца-Подольскаго скипетру Великой нашей Самодержцы, въ 21 день сего мѣсяца, доставляетъ мнѣ пріятнѣйшее удовольствіе принести

---

(29) „Дневникъ Храповицкаго", изд. Барсукова, стр. 424.

искреннѣйшее мое поздравленіе вашему сіятельству, яко соучастнику и любителю всѣхъ полезныхъ для отечества дѣлъ, какъ съ занятіемъ сей важной крѣпости, такъ и вообще съ знаменитымъ и обширнымъ для Россіи пріобрѣтеніемъ; а при томъ и признательнѣйше благодарить васъ, милостивый государь мой, за почтеннѣйшее ваше писаніе и за таковое же поздравленіе съ благополучнымъ окончаніемъ здѣшнихъ происшествій, о которыхъ тѣмъ пріятнѣе мнѣ извѣстить ваше сіятельство, что нигдѣ не употреблено и золотника пороха, и все кончилось съ желаемою тишиною и спокойствіемъ" (30).... Одновременно съ этимъ письмомъ Кречетниковъ отправилъ въ Императрицѣ подробный отчетъ – свой журналъ, который съ этою цѣлью и составлялся имъ (31). Храповицкій въ своемъ дневникѣ 1 мая 1793 г. записалъ: „Сама (Императрица) намъ сказывать изволила, что гарнизонъ Каменца-Подольскаго добровольно присягнулъ 21 апрѣля, въ день рожденія и причащенія Ея Величества (32). На основаніи донесенія Кречетникова составленъ былъ указъ Военной Коллегіи, подписанный Екатериною 6 мая, о принятіи польскихъ войскъ, присягнувшихъ Ея Величеству, и зачисленіи ихъ въ армію Россійской Имперіи (33). Того же числа (6 мая) Мих. Ник. Кречетниковъ былъ пожалованъ за свои труды графомъ, но курьеръ съ указомъ не нашелъ его въ живыхъ. Среди заботъ по устройству новопріобрѣтеннаго края Михаилъ Никитичъ, послѣ непродолжительной болѣзни, по дорогѣ изъ Лабуни въ Каменецъ-Подольскій 9 мая 1793 г. скончался въ Меджибожѣ, на 70 году своей жизни, гдѣ погребенъ того же года августа 5 дня, какъ гласитъ надгробная надпись на его памятникѣ, находящемся въ соборной церкви Слуцкаго Свято-Троицкаго монастыря, Минской губерніи. Памятникъ этотъ состоитъ изъ бронзоваго бюста-медальона, съ укрѣпленными подъ нимъ чугунными арматурами и гер-

---

(30) Изъ бумагъ фельдмаршала князя А. В. Суворова—Рус. Арх. 1878 г. № 2.

(31) См. „Дневн. Записки" М. Н. Кречетникова. Чтен. въ Им. Общ. ист. и др. Рос. 1863 г. к. 4, стр. 43.

(32) Дневникъ Храповицкаго, изд. Барсукова стр. 425—427.

(33) Указъ этотъ напечатанъ въ Рус. Арх. 1880 г., но не вошелъ въ первый выпускъ „Матеріаловъ для исторіи Подольской губ.", 1885 г.

бомъ Кречетникова, которые установлены на большой бѣломраморной плитѣ съ надписями на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ (34).

Графъ Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ оставилъ по себѣ память храбраго воина, трудолюбиваго, энергичнаго и разумнаго администратора, полвѣка доблестно служившаго престолу и отечеству. По разсказамъ современниковъ, онъ имѣлъ пріятную наружность и доброе сердце, былъ общительнымъ и хорошимъ товарищемъ, характеръ имѣлъ доброжелательный, хотя и высокомѣрный. За свое высокомѣріе онъ иногда подвергался насмѣшкамъ князя Потемкина, который, страдая тѣмъ же недостаткомъ, не любилъ однако его въ другихъ, даже близкихъ себѣ людяхъ. Впрочемъ, этотъ недостатокъ, свойственный почти всѣмъ Екатерининскимъ „орламъ", у Михаила Никитича не имѣлъ рѣзкихъ проявленій и не доходилъ до чрезмѣрной заносчивости, почему и вызывалъ у князя Потемкина не раздраженіе и злобу, а только иронію. Михаилъ Никитичъ любилъ окружать себя, какъ намѣстника, большою пышностію и церемоніальностію. Съ необыкновенною торжественностію онъ открывалъ Тульское намѣстничество: большой каменный домъ былъ превращенъ въ одинъ просторный залъ для общаго собранія дворянства, который назывался „красною палатою", гдѣ сооруженъ былъ императорскій тронъ подъ великолѣпнымъ балдахиномъ. Въ день открытія намѣстничества Михаилъ Никитичъ стоялъ на ступенькахъ трона и говорилъ краткія нравственныя рѣчи многочисленному собранію дворянъ. Разсказываютъ, что даже въ обыкновенные воскресные дни въ залѣ Тульскаго намѣстничества можно было видѣть слѣдующее зрѣлище: толпа чиновниковъ долго ожидала появленія начальника; наконецъ два официанта отворяли двери въ гостинную, откуда мѣрными шагами выступали другіе два официанта, за ними въ предшествіи секретаря, несшаго портфель, медленно и важно шествовалъ самъ намѣстникъ (35). Такая важность намѣстника и торжественность обстановки ни сколько не

---

(34) Снимокъ съ этого памятника помѣщенъ въ книгѣ „Подолія", изд. Батюшковымъ 1891 г.

(35) Записки Болотова, т. III стр. 721.

смущали и не тяготили чиновников, напротив им это нравилось и они вмѣстѣ съ народомъ любили Кречетникова. Извѣстный дворянинъ Болотовъ, служившій при Михаилѣ Никитичѣ, отмѣтилъ между прочимъ слѣдующее: „1790 годъ, 8 ноября—день сей и въ самой Тулѣ по причинѣ имянинъ нашего намѣстника, хотя отсутственнаго тогда, но весьма любимаго, былъ празднованъ и былъ для сего сдѣланъ публичный редутъ (36). Въ народѣ М. Н. Кречетниковъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Кращникова; такое прозваніе онъ получилъ, вѣроятно, за то, что любилъ „красно", щеголевато одѣваться. Крестьяне довольны были своимъ бариномъ, у нихъ сохранилась добрая память о немъ. Кречетникову принадлежало село Михайловское Московской губерніи, Подольскаго уѣзда; нынѣшній владѣлецъ этого села графъ С. Д. Шереметьевъ собралъ у 80-лѣтняго старика Ивана Смураго любопытные разсказы о пышномъ Екатерининскомъ вельможѣ и сообщилъ ихъ Барсукову, который изложилъ народные отзывы о Кречетниковѣ въ своихъ примѣчаніяхъ къ „Дневнику Храповицкаго". Отецъ и дядя старика Ивана Смураго служили при усадьбѣ Михаила Никитича и слѣдовательно могли хорошо знать своего барина. Разсказъ Ивана Смураго таковъ: „Это былъ добрый баринъ, былъ въ большой силѣ и дѣлалъ, что хотѣлъ, потому что состоялъ намѣстникомъ въ Тулѣ и Калугѣ. Все въ окрестности повиновалось ему. Жилъ онъ весело, открыто. Вокругъ его дома такъ и стояли экипажи. Когда онъ проѣзжалъ въ Москву, то обыкновенно останавливался въ с. Красной Пахрѣ, гдѣ постоянно стояли на готовѣ лошади, сколько бы ни потребовалось.—Близъ села Михайловскаго была деревня Исаковка, принадлежавшая помѣщику Кирѣевскому. Когда Кречетниковъ началъ отстраиваться въ своемъ Михайловскомъ, Кирѣевскій приказалъ Исаковцамъ переселиться въ его Болховское имѣніе. Тяжело было крестьянамъ разставаться съ старымъ гнѣздомъ, а потому рѣшились искать покровительства у Кречетникова. Они пришли къ нему и пали въ ноги. Кречетниковъ милостиво выслушалъ просителей, велѣлъ разобрать ихъ дѣло и принялъ ихъ подъ свою защиту, приказавъ Кирѣевскому оставить въ покоѣ крестьянъ.—Пару маленькихъ ло-

(36) Ibid.

шадокъ, любимыхъ Кречетниковымъ, очередные караульщики не уберегли: ихъ волки зарѣзали. Испуганные мужики бросились къ прикащику, а тотъ отправилъ ихъ къ барину. Мужики подстерегли его въ заповѣдной рощѣ во время прогулки съ гостями и пали въ ноги, разсказывая о несчастіи. Кречетниковъ не разсердился на мужиковъ, велѣлъ имъ встать и сказалъ, что считаетъ виноватымъ прикащика, которому было приказано наблюдать за лошадьми" (37).

При широкомъ развитіи крѣпостнаго права въ вѣкъ Екатерины II, при сравнительной грубости нравовъ того времени и часто безцеремонномъ обращеніи помѣщиковъ съ крестьянами, отношеніе Михаила Никитича къ своимъ крѣпостнымъ, какъ видно изъ приведенныхъ разсказовъ, было свѣтлымъ явленіемъ, какъ вполнѣ справедливое и гуманное. Дворянинъ Болотовъ, по поводу полученнаго имъ извѣстія о смерти намѣстника Кречетникова, въ своихъ запискахъ замѣчаетъ: „сіе всего менѣе ожидаемое извѣстіе было для всѣхъ насъ поразительно, и мы, любя и почитая его искренно, весьма объ немъ жалѣли" (38). Старый сослуживецъ и пріятель Михаила Никитича графъ Сиверсъ въ своихъ письмахъ къ разнымъ особамъ выражалъ глубокое сожалѣніе о его смерти, какъ дорогой для него потери. Хорошій отзывъ современниковъ и добрая память въ потомствѣ—лучшая награда на землѣ для добрыхъ людей.

Составилъ преподаватель семинаріи *I. Ѳедоровъ.*

---

(37) Объяснит. указатель къ „Дневнику Храповицкаго", Барсукова стр. 521—523.

(38) Записки Болотова т. IV, стр. 1093.

(Изъ Под. Епарх. Вѣд. 1891 г.). Тип. Под. Губ. Пр.